

Пусть настроение всегда будет солнечным!

Татьяна Веденская

ПЕПЕЛЬНЫЙ
БЛОНДИН

Татьяна Веденская
Пепельный блондин

«Автор»

2013

Веденская Т.

Пепельный блондин / Т. Веденская — «Автор», 2013

Первое впечатление может быть обманчиво. Но что делать, если и при второй встрече Он остается прекрасным мужчиной с ангельским лицом, с фигурой Аполлона и манерами аристократа. Мужчина-ангел стоит рядом и хочет вас поцеловать. Одна проблема – вы немножко замужем. Но муж не выдерживает никакой конкуренции рядом с этим влюбленным без памяти красавчиком! Что же делать? Не торопитесь уходить от супруга! Возможно, что его «недостатки» куда лучше «достоинств» идеального принца!

© Веденская Т., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Веденская

Пепельный блондин

Все совпадения с реальной жизнью случайны

Я хорошо помню тот момент, когда поняла, что с нашей семейной жизнью что-то не так. Все не совсем хорошо, есть у нас в семье кое-какие проблемы. И это вдруг стало совершенно очевидно.

Я лежу на нашей большой двуспальной кровати, на втором этаже нашего роскошного загородного дома, руки мои связаны за моей спиной, а на голову натянута холщовый мешок. Что открывай глаза, что закрывай – небольшая разница. Можно, конечно, приглядеться и увидеть жесткий ворс на холщовке: но я уже изучила все ворсинки, и мне больше неинтересно.

Я то прихожу в себя, то теряю сознание – ненадолго. В промежутках между этими состояниями я стараюсь не дышать глубоко, чтобы у воздуха было время просочиться в мой мешок до того, как я выдышу его весь без остатка. Воздух проходит плохо через холщовку, а паника довершает дело – и начинаешь биться в конвульсиях, пытаешься вырваться на свободу, хотя и знаешь наверняка, насколько это бесполезно. Никто не обратит внимания. Никто не поможет. Пробовала – знаю.

Я, кстати, всерьез боюсь замкнутых пространств. Не так-то легко избавиться от такого рода фобий. Впрочем, я не хочу делать из этого большой проблемы. У всех есть какие-то фобии. Я, к примеру, еще не люблю ездить на чужих машинах. Вообще не очень люблю выходить из дома. Но и дома ведь, как я уже сказала, случаются проблемы. Как сегодня.

Семейная жизнь – сложная штука. Мы с мужем вместе уже больше двадцати лет, и все кругом завидуют моему счастью. Их можно понять, они не лежат, привязанные к кровати. Впрочем, уверена, что многие сочтут эту цену не слишком-то высокой, а меня – чересчур капризной. Потому что в остальном, прекрасная маркиза... Муж – золото, денег вдоволь, делать ничего не надо – сиди себе на диване да смотри кино на широком экране. Счастье. Я бы рассказала о моем счастье, но с холщовым мешком на голове и с кляпом во рту не очень-то поговоришь.

У нас есть проблемы. Как у всех семей, естественно. Я бы хотела, чтобы меня уважали немного больше. Чтобы с моим мнением хоть иногда считались. Это важно, это значительно важнее, чем многие думают, – иметь право сказать, что ты хочешь делать, на что ты готова, а что для тебя категорически неприемлемо. Я такого права не имею.

Достаточно сложно жить с человеком, который уверен, что знает лучше меня, что для меня лучше. И как далеко я могу зайти. Но ведь мужья вообще редко уважают своих жен. Мой муж говорит, что меня должно больше волновать, любит ли он меня. И добавляет, что я же знаю, как он меня любит. И что мне повезло, определенно. Что ж, должна признаться – иногда бывают моменты, и даже у меня начинает появляться подозрение, что он не очень-то меня и любит.

Я попробовала пошевелить рукой. Больно. Веревка затянута чересчур сильно. Перебор. Я не уверена, что выдержу, но и поделаться я ничего с этим не могу. Так же, как я не могу перестать думать, что это он виноват во всех моих бедах, он виноват в том, что я не чувствую, что живу. Иногда мне хочется взять тарелку и разбить о его голову. Уверена, что, если бы у меня сейчас была такая возможность, я бы именно это и сделала. Но у меня сейчас такой возможности нет.

Я услышала какой-то грохот, напряглась и резко дернулась. Тело непроизвольно реагирует на раздражители, особенно в моем положении. Я дернулась и почувствовала, как веревки снова впелись в запястья. Отлично. Обязательно останутся рубцы! Если я, конечно, доживу до того момента, когда мне будет позволено снова дышать.

Я почувствовала, как мне снова не хватает воздуха. Надо бы расслабиться, но новая волна паники лишает меня воли. Я задыхаюсь и проваливаюсь в тугую, вязкую, черную пустоту. Обморок – это даже хорошо. Как будто кто-то ставит на паузу то, что со мной происходит, то, что я вынуждена испытать. С моей семейной жизнью что-то определенно не так. Но что делать с этим – я не очень-то понимаю.

Глава 1

Переменное напряжение

За три месяца до этого

Алинка приехала почти к полуночи, когда я уже было возрадовалась, что она не доедет. Могло же что-то измениться? Могла же она встать в какую-нибудь бесконечную московскую пробку, из которой нет выхода? Разозлиться, передумать и позвонить кому-нибудь еще из своих многочисленных знакомых. Тем, кто живет внутри Садового кольца. Мы живем километрах в десяти за пределами МКАД. «Замкадыши» – так нас называют. Чтобы доехать до нас в предновогоднюю неделю, нужно обладать стальными нервами. У Алины они есть.

На прошлый Новый год Алинка появилась на нашем пороге с небольшим, но плотно упакованным чемоданчиком за спиной. Уехала она только после того, как мой муж Николай предложил ей, в шутку конечно же, поучаствовать деньгами в оплате коммунальных услуг. Алинка мне потом это целый год припоминала, хотя... в целом Коля был прав. Празднование Нового года не может длиться месяц.

Когда Алинка позвонила в ворота, я практически спала в кресле напротив камина. Редкий случай, когда погода на Новый год совпадает с той, которую изображают на новогодних открытках, – самое время топить камин. Утром за окном все ели будут белоснежными от лежащего на их лапах снега. Я снова изведу гигабайт памяти, фотографируя двадцать соток нашего рая. В памяти моего компьютера уже хранится с десятков папок с фотографиями – по количеству лет, прожитых здесь.

– Ну что, скучаете тут в вашем захолустье? – Алинка влетела вместе с волной ледяного воздуха и с большой сумкой в руках. Я вздохнула.

– Скучаем, скучаем, не сомневайся, – Николай высунул нос из кабинета. – Только на тебя и надеемся.

– Это вы правильно делаете. Чип и Дейл уже здесь в одном лице. Что, много будет народу на этот год?

– Только родители, Воронцовы и Федя, – сказала я. Алинино лицо потемнело. Воронцовы – друзья нашей семьи и во всех смыслах хорошие люди – были слишком скучны, по Алининым меркам, главным образом потому, что не пили спиртного и любили играть в скрабл. А Федя... Это отдельная песня, причем слова в ней в основном матерные. Федя, единственный брат моего мужа, – человек с бородой и религиозными убеждениями. Спиртное он пил, и еще как, но стоило ему принять на грудь немного больше, чем бокал вина, он начинал проповедовать и призывать к покаянию. А еще он начинал приставать к Алинке.

– А разве Федя не в Белоруссии? – Алина втащила свою сумку в гостиную и плюхнулась в мое кресло.

Николай усмехнулся:

– Федю выгнали из монастыря.

– За пьянство или за прелюбодеяние? – уточнила Алина, но без особенного интереса.

– За прелюбодеяние в невменяемом состоянии, – хмыкнула я, подтягивая к камину второе кресло.

– Ну ладно, девочки, не знаю, как вы, а я пошел спать. – Коля потянулся, зевнул и пошел по лестнице наверх – в спальню. – Оля, ты не могла бы проверить сигнализацию, когда будешь уходить?

Я кивнула и подумала не без сожаления, что не могу так же развернуться и отчалить. Подруга-то моя, значит, придется сидеть и общаться, несмотря на поздний час. Слушать, почему она в очередной раз осталась одна в новогоднюю ночь. И куда уехал ее Сашенька, в

какой очередной Куршавель. И почему не взял ее с собой. И что, если так будет продолжаться, она плюнет на все и бросит его к чертовой матери. Я буду кивать и молчать, потому что мне нечего сказать. Сашенька ее настоящий козел. Алинка спустила на него уже десять лет своей жизни и по-прежнему для него все равно что пыль под ногами. Хоть бы он ее бросил, в самом деле. Но он не бросает. Нравится ему быть эпицентром ее драмы. Думаю, что Алинка все это прекрасно понимает. Но что она может сделать? Сука – любовь!

Утро не обмануло – снегу навалило сказочно. Алинкина машина едва виднелась из-под сугроба, и я в который раз порадовалась, что у нас есть закрытый гараж в доме. Когда мы только строились, я сильно возражала против него – мне все мерещилось, что будет грязь, запах машинного масла в доме и прочие «прелести». Николай меня не послушал, как это случается почти всегда, но в очередной раз оказался прав. Я много раз потом оценила возможность зимой сесть в теплую и чистую машину.

– Господи, намело-то! – Алинка стояла в коридоре, замотанная в одеяло, босая и сонная. Смешная она все-таки. Люблю я ее. Столько лет, с самого архитектурного института вместе. Мечтали строить города – а на деле строимся сами. И отдаем честь.

– Намело, – согласилась я.

– Что на завтрак? – Алинка принюхалась и разочарованно склонила голову.

Запахов не было. Я еще не готовила. Коля с самого утра уехал проверять боеготовность своих подразделений к встрече Нового года. Подразделения его охранный предприятия «Око» состоят в основном из пенсионеров и молодчиков, только что уволенных из рядов вооруженных сил, и их боеготовность, откровенно говоря, всегда под вопросом. Глаз да глаз нужен за нашим «Оком», как любит шутить мой муж. И чтобы поселки и магазины могли спать спокойно, проверки должны случаться внезапно – в любое время дня и ночи.

Николай будет инспектировать объекты чуть ли не до вечера, там и позавтракает, и пообедает. Дашка будет дрыхнуть до обеда, это минимум, как и положено подростку. А потом придет и налопается печенюшек.

– А что бы ты хотела?

– Блинчики по-столыпински! – мечтательно протянула Алина. – С облепиховым кремом...

– Перетопчешься. Но могу предложить яичницу-автоглазунью.

– Что за зверь такой? – Алина удивленно распахнула свои подчеркнутые паутиной морщин глаза. Она была красива, но к ее красоте уже очень подходила приставка «все еще». Не да, не молодеем.

– Делается так: открываешь холодильник, берешь два яйца или три, в зависимости от амбиций, и жарить их, жарить. Плита там. – Я кивнула и усмехнулась.

Алинка скривила моську и распахнула холодильник в поисках вариантов поинтереснее.

Позже, с тарелкой, доверху заполненной бутербродами и с бутылкой красненького в руках, мы засели в библиотеке. Пить с утра вредно, но сегодня можно, как говорит Алина. Библиотека у нас располагается на третьем этаже. Кроме этого, там еще имеется и спортзал – итого два помещения, каждое из которых потерпело глобальное фиаско в смысле собственного предназначения. Когда-то муж был полон здоровых желаний бегать по беговым дорожкам и поднимать гири, словом, следить за здоровьем. Однако, как потом выяснилось, бегать ему и так приходится достаточно на работе, и еще – «в гробу он видал» свой холестерин, он лучше на диване полежит. Я же, откровенно говоря, предпочитаю бегать по реальным дорожкам, нежели по резиновым. Я стираю пыль с гантелей и штанг, а главный многофункциональный тренажер с кучей каких-то стальных лесок я в итоге накрыла чехлом и использую в качестве сушки для простыней и пододеяльников.

Второе помещение – библиотека и по совместительству склад ненужных вещей, выбросить которые некогда. Вещи заполнили огромные встроенные шкафы нашей библиотеки. Впрочем, книг тут было все же больше. Колька когда-то серьезно заморочился и накопил невероятное количество книг – одна к одной, с красивыми обложками. Но читает-то он только NEWSRU.COM на своем IPAD. По стенам библиотеки развешана значительная часть его коллекции оружия – предмет неслыханной гордости для него и постоянный повод бояться для меня. Николай собирал ее много лет, и каждое новое приобретение пугало меня еще больше. Если у вас на стене висит ружье – оно обязательно выстрелит. По нашим стенам развешано штук пятьдесят ружей, пистолетов, арбалетов и неведомо каких еще инструментов убийства. То, что они не заряжены, меня нисколько не утешает. Но... у всех свои недостатки. Коля обладал немногими. Любовь к старинному оружию – его второй по величине недостаток.

– Ну, что нового? – Алинка забралась с ногами на подоконник. – Чего будем готовить? Как бы нам так отметить Новый год, чтобы не пережрать, а?

– Ни одного шанса, – усмехнулась я.

– А что тебе подарит муж? – бесцеремонно спросила она.

– Откуда я-то знаю! – Я пожала плечами.

– Набор кухонных полотенец? – ехидничала Алина. – Что он тебе в прошлом году подарил? Новые ножи?

– Он подарил мне деньги, Алиночка. Я купила шубу.

– Отличный подарок, – хмыкнула она. – Ну, не беда. Главное же – внимание?

– Издеваешься?

– Может, он тебе подарит какое-нибудь обалденное кольцо. Или кулон. Вот это я понимаю – подарки. С бриллиантами такими, чтобы с кулак.

– Слушай, отстань, Алинка, – фыркнула я. – Что бы ни подарил – не в этом дело. Мы женаты уже столько лет, что...

– Да уж, пережрем мы в любом случае. Впрочем, раз уж мы будем терпеть Федю, – перебила меня Алинка, утратив интерес к теме. – Пусть уж нам хотя бы будет вкусно. Знаешь, мне тут Сашенька привез из Монреаля кленового сиропа какую-то нереально огромную бутылку. Не знаешь, чего с ним можно сделать?

– Продать. – предложила я.

– Он мне не понравился. Какой-то кисловатый, с привкусом. Не знаю... По мне, мед лучше. О, у вас соседи появились? – Алинка выглянула в окно на соседний участок, на так называемый Домик дядюшки Тыквы, названный так за оранжевый цвет штукатурки. Дом пустовал уже много лет, что, к слову, сильно нас с мужем огорчало.

Участки у нас – одни из лучших в поселке. С торца примыкают к лесу и очень большие. Брали еще, когда поселок только начинал строиться, да еще с учетом того, что Колькино «Око» выиграло тендер на охрану – словом, не сэкономили. Но вот с соседями не повезло. Сначала они долго не строились. Мы уже въехали, приготвили наслаждаться тишиной и покоем подмосковного леса, и тут только они принялись гонять свои бетономешалки. Четыре года из окон недостроенного дома на меня смотрели жадные глаза гастарбайтеров – ни в купальнике выйти, ни тем более без. Как-то раз Алинка попробовала – так бедняги гастарбайтеры чуть из окон не выпали, чтобы разглядеть ее «75 В»¹ поближе.

Потом дом все же достроили, но почти сразу выставили на продажу – за какие-то сказочные деньги. Только никто его не покупал. Результат – невычищенные дорожки, горы снега у ворот зимой, сорняки-одуванчики летом. Кроме того, они не платили за охрану, что страшно бесило Кольку. Так что вот уже года три мы жили в непосредственном соседстве с заброшен-

---

¹ Имеется в виду размер бюстгальтера. (Прим. автора.)

ным домом. Дураков купить этот кусок московского счастья за пару миллионов «зеленых» не находилось. Неужели теперь нашлись?

– Какой мужчина! – воскликнула Алина, высовываясь чуть ли не по пояс в оконный проем.

– Осторожнее.

– Это просто праздник какой-то! – заявила она, а глаза ее загорелись знакомым огнем желаний. Желания выйти замуж. Так или иначе, Сашенька – не Сашенька, а Алина всегда отслеживала варианты.

– Ты прямо как те гастарбайтеры, – хихикнула я и подошла к окну.

– Так и он совсем как я – топлес, – развела руками Алина. – Что, вообще-то, странно смотрится зимой. Что он делает?

– Топлес? – Я подалась вперед и с удивлением отметила, что она права – мужчина внизу стоял обнаженный по пояс и размахивал руками. – А-а, понятно. Это, Алиночка, называется незнакомым тебе иностранным словом «гимнастика».

– Неужели ему не холодно?

– Ты смотри не обожги его своим взглядом. – Я рассмеялась и пригляделась внимательнее. Мужчине за окном на вид было лет тридцать, светлые волосы, предположительно ростом с... Валуева? Он стоял посреди морозного утра в одних спортивных брюках и растирал обнаженную накачанную грудь снегом.

– Олька, господи, я хочу к нему! – всхлипнула Алина и покраснела.

– А теперь приступаем к водным процедурам! – подразнила я ее. – Алька, смотри, не затопи мне дом своими слюнями!

– Гадюка ты, Олька. Могла бы быть подороже. У тебя-то в жизни все хорошо, красавица, умница, муж тебя обожает. И выглядишь на десять лет моложе своего возраста. Вот как тебе удается так выглядеть?

– Я ем чеснок, – съехидничала я. – А в нем сплошной витамин.

– Нет, Олька, это потому, что тебе ничего не приходится в жизни решать. Никаких у тебя хлопот, никаких волнений – один сплошной позитив и контакт с природой. Не жизнь, а сказка.

– Ага, сказка, конечно! – фыркнула я.

– А чем не сказка? – удивилась Алина.

Я вздохнула и взглянула на мужчину за окном.

– Во всех сказках всегда хоть что-то происходит. А у меня жизнь – сплошная эпоха застоя.

– Ничего себе – эпоха застоя! – возмутилась Алина, примеряя на себя мое старое платье, которое она выудила из недр шкафа. – И муж тебя любит, и дочь в институт идет. И платья вон какие у тебя.

– Платья мне такие и надевать-то некуда, моя прелесть.

– Ну и что, – упиралась Алинка, отказываясь наотрез проявлять сочувствие к моей скучной, наполненной пустым бездельем и тишиной жизни. – Это твой добровольный выбор. Захотела бы – пошла в театр. Все в твоих руках. Да что там театр! Сидишь тут как сыч, а к тебе такие мужики в соседи переезжают. Слушай, пригласи его к себе на Новый год, а?

– С ума сошла? – вытаращила я на Алинку глаза. – Я его впервые вижу.

– Да тут и смотреть не надо – надо бежать и хватать.

– Может, тебе лучше пойти и принять холодный душ?

– Он, наверное, иностранец. – Алинка фыркнула, отвернулась и снова припала к стеклу. – Наши так не выглядят. Такого здорового цвета лица я не видела уже лет сто.

– Наконец-то все узнали правду о настоящем возрасте Алины!

– Вот ты дура. – Она скинула одеяло и прижалась к оконному стеклу своей полной грудью, прикрытой лишь бюстгальтером. – Пригласи его на Новый год. Пойди отнеси ему какой-нибудь пирог и немедленно пригласи!

– Не позорь меня перед новым соседом, кто бы он ни был! – фыркнула я и попыталась стащить Алину с подоконника.

Алинка уперлась, выгнулась всем телом и прошипела:

– Господи, какой красивый мужик! Он нас не видит, иди посмотрим вместе! Это ж лучше всякого кино. Смотри, он качает пресс! – Алинка прижалась к окну.

Я не сдержалась и посмотрела на незнакомца – но из чистого любопытства, как только может смотреть почти сорокалетняя замужняя женщина на тридцатилетнего мужчину, качающего пресс. Он был красив – это точно. Причем обладал редкой для мужчины красотой, сочетающей в себе правильные черты лица, ухоженность и отличную физическую форму. Я попыталась вспомнить, когда в последний раз я видела мужчину, делающего зарядку. У меня было стойкое ощущение, что я такое видела, но где, когда? А, вспомнила! Я видела такое по телевизору, по утрам на РТР показывают. Но это же совсем не то... Я почувствовала непреодолимое желание достать свою мыльницу и начать щелкать. Я люблю фотографировать все красивое. Снимки наполняют смыслом мою, в общем-то, довольно скучную, комфортную жизнь. Я люблю красоту.

В нашем доме и вокруг него можно найти много красивого: весной расцветают вишни, прилетают птицы, которые порой настолько забывают о моем существовании, что я успеваю снимать их поцелуи на ветках. Летом цветут цветы, порхают бабочки. В лесу растут грибы. Нужно только быть очень внимательной и терпеливой – и даже в этой крошечной точке планеты можно встретить умопомрачительную красоту. К примеру, моего красивого нового соседа, который улыбается и машет нам рукой. Я вздрогнула, заметив, что он смотрит прямо на нас, в мое окно. Мы обе застыли, как парализованные.

– Мамачки! – прошептала Алина. – Гореть мне в аду, если я не заполучу этого красавца. Сашенька супротив него – леший. Да что там Сашенька! Он даже красивей моего бывшего. А он тоже был, знаешь, не урод. М-м-м, прямо мой любимый цвет, мой любимый размер.

– Сашеньке своему это скажи, – усмехнулась я.

– Плевать на Сашеньку. Я давно уже должна была его бросить. А тут-то... сам бог велел. О черт!

– Что? – Я не могла оторваться от улыбающегося и действительно какого-то не по-русски счастливого лица светловолосого мужчины, а тем временем Алина успела отследить, как через снежные сугробы к красавцу прыгает замотанная в дубленку женщина наших лет.

– Кто это? – возмутилась Алина. – Надеюсь, мама?

– Какая мама, ты свихнулась? Она что, родила его в пять лет? – покачала я головой. Красавец-блондин улыбнулся нам еще раз и помахал рукой. Мы помахали ему в ответ, загипнотизированные его уверенной мужской пластикой.

– Значит, сестра. Такой мужчина не имеет права быть женатым. Искусство принадлежит народу! Все, он уходит. Останься, призрак! – Алинка вытянула шею, провожая взглядом удалявшегося незнакомца. – Растаял, как дым!

Позже, за ужином, только и разговоров было что о наших новых соседях. Родители мужа порадовались, что теперь у нас хоть будут живые люди за забором. Не так страшно будет, когда Олечка остается в доме одна. Действительно, мне частенько приходилось ночевать в доме одной. Муж оставался ночевать в дальних отделениях своего «Ока», а дочь – в школе. Но я никогда не боялась. С таким количеством охраны в поселке, с тревожными кнопками, расставленными по всему дому, я больше боялась нашего собственного оружия на стенах.

Дашка спросила, не было ли там еще и красивых подростков ее возраста. Она сидела,ковыряясь в тарелке с оливье, которого свекровь нарубила, как обычно, ведро. Накануне Дашка пыталась отпроситься на Новый год к друзьям, что вызвало, как обычно, целую бурю протеста со стороны Николая. Он-то уж отлично знал, чем занимаются подростки на вечеринках без взрослых. Только не его дочь, только не с его разрешения. В конце концов, ей еще нет восемнадцати! Вот когда исполнится – тогда и будет праздновать что хочет и где хочет. А пока она еще школьница... Кроме того, она и так редко бывает дома.

Коля победил, но теперь Дашка всеми силами показывала, как невыразимо она страдает в нашем обществе. Коля игнорировал ее с не меньшей стойкостью. Отведя от нее взгляд, он отметил, что снег перед поворотом к соседям сегодня был действительно счищен. И также добавил, что теперь самое время навестить соседей и напомнить им о необходимости регулярных платежей за охрану. А то их в поселок пускать не будут. То есть их, как собственников, конечно, пустят – но пешком. Без машины. Хочешь, чтобы шлагбаум был поднят перед тобой, – плати охране. Они же не за просто так шлагбаум поднимают. За деньги.

– Я бы ему шлагбаум-то подняла! – пробормотала вдруг Алинка, глядя мимо нас затуманенным взором.

Николай посмотрел на нее, как на чумную. Потом перевел взгляд на меня.

– Что, так хорош? Настолько?

– Ну, вроде ничего, – пожала я плечами.

Алинка вытаращилась на меня в изумлении. И дальше она описала во всех красках, насколько хорош наш новый сосед. На десятой минуте Коля сказал, что Алинин спич очень убедителен и он, Коля, уже начинает подумывать о смене ориентации. Алина замолчала на секунду, пытаясь проанализировать реалистичность угрозы, но муж только расхохотался и сказал, что он Алине не соперник.

– Как ты думаешь, они придут к костру? Может, они не знают, что тут поселок проводит празднование Нового года? Может, я зайду к ним и приглашу? – прикидывала она план наступления.

– Но ведь там, на заднем дворе, была и его жена, да? – напомнил Николай.

Но Алина осталась абсолютно глуха к этому аргументу. Она напомнила, что она тоже когда-то была чьей-то женой – но это почему-то не остановило длинноногую тощую дрянь, которая увела у нее мужа. Алина принялась вспоминать своего бывшего, потом перемысла косточки своему нынешнему Сашеньке, не мужу, конечно, но... Алина любит жаловаться на жизнь. Поэтому, когда раздался звонок в дверь и приехали Воронцовы с уже почему-то пьяным Федей, муж выдохнул с облегчением.

Каждый раз, когда Федя бывает допущен в наш дом (а это случается только по большим семейным праздникам и только ради родителей), мы ждем его пришествия с ужасом. Трудно поверить, что когда-то Федя был вполне нормальным Колиным старшим братом, у него была жена и работа – он был программистом и работал на «Майкрософт». Что-то поломалось в нем после того, как его оттуда уволили. Он возненавидел «Майкрософт», что вполне естественно, но он вдобавок распознал в «Майкрософт» корпорацию дьявола во плоти. Он уверовал во зло на земле и даже пытался изгонять бесов из здания в Крылатском, а после он отрастил бороду и бросил жену, которая, надо признать, от этого только выиграла. Федя попеременно уходил то в запой, то в монастырь. Почему-то он стал католиком, что нетипично для нашей кругом православной страны. Почему он это сделал – никому не ведомо, даже ему самому. Так фишка легла.

Пару лет назад Федя приехал к нам на Новый год с известием о близком конце света и всю дорогу призывал нас продать дом и бизнес и примкнуть к сонму спасающихся. Деньги от продажи он обещал пристроить в самое что ни на есть надежное место – очень душеспасительное. Он был настолько активен и агрессивен, что чуть не уломал родителей в самом деле продать

квартиру. Однако мой муж аккуратно намекнул Феде, что если он немедленно не остановится, то может и не дожить до конца света.

На празднование следующего Нового года Федя приехал в расшитой белорусскими узорами рубахе и овчинном тулупе. Благополучно пережив конец света и не удосужившись прокомментировать его ненаступление, он рассказал о новых нанотехнологиях, которые позволят через фастфуд внедрять нанодатчики в мозг людей и перепрограммировать их. Родители даже всплакнули, осознавая, как близко то время, когда Федю придется отдать в руки врачей. Федя же снова призвал нас с Колей продать дом и бизнес – теперь уже для поддержания борьбы с нанотехнологиями. Жить он предлагал нам всем в монастыре, из которого вскоре его и выгнали. Когда Федю спросили: как же так? Он ничтоже сумняшеся ответил, что монахам в монастыре не хватало смирения.

Федя приехал в этот раз вполне прилично одетый, только волосы отрастил чуть ли не по пояс. Завидев Алинку, он немедленно пришел в экстаз и принялся рассказывать ей о прелестях домостроя и о том, что женщин на самом деле нужно и должно побивать палками по субботам.

– Даже не думай! – фыркнула Алина. – Ты сам у меня огребешь, причем прямо сейчас, если не заткнешься.

– Хочешь, я на тебе женюсь? – не моргнув и глазом отвечивал Федя.

– Я лучше съем перед загсом свой паспорт, – ответила Алина и пошла на крыльцо курить.

Это было забавно. Обычно она вполне комфортно курила дома, в зимнем саду, но сегодня, несмотря на холод и ветер, постоянно выбегала покурить на крыльцо – с него можно было увидеть наших соседей.

Новый год еще даже и не начался, а я уже устала от Феде и его революционных идей. Накинув дубленку, я выскочила к Алинке просто постоять несколько минут в относительной тишине и покое. Подруга стояла в своей длинной норковой шубе, при полном макияже, на шпильках и сосредоточенно вглядывалась в темноту соседнего участка. Ничто не говорило о том, что в Домике дядюшки Тыквы тоже празднуют Новый год. Уличные фонари у них не горели, никто не шумел, и можно было бы вообще решить, что там никого нет, если бы не освещенное окно гостиной.

– Я не понимаю, они что, так вдвоем весь Новый год и просидят? – нахмурилась Алина.

Я прищурилась и увидела, как какие-то смутные контуры и тени медленно передвигаются за зашторенным окном. Я подумала, что тоже не возражала бы встретить Новый год в компании одного только мужа.

Глава 2

Первое впечатление нельзя произвести дважды

Откровенно говоря, я праздников не люблю и боюсь их. И дело совсем не в том, что приходится много готовить, а потом долго убирать. Я ничем, в общем-то, не занята, так что убирать и готовить меня не напрягает. Николай много раз предлагал завести в доме домработницу, но мне претит идея чужого человека в доме. Все эти истории о кражах нижнего белья, о плевках в еду... Брр! Нет уж, я лучше как-нибудь сама. Нас всего трое – это не тяжело даже в праздник. Другое тяжело. Новый год для меня всегда – время позора. Потому что Николай будет выпивать.

Мы женаты уже восемнадцать лет, а знакомы двадцать с лишним. Когда мы познакомились, Коля только вернулся из армии, серьезный и настороженный. Он редко говорит о своей службе, но я уверена, что не так-то просто она далась ему. Он привез оттуда желание завести семью, маниакальное отношение к безопасности и любовь к оружию. В то время как остальные мужчины только и думали, что о сексе и о том, как бы получить его побольше да побесплатнее, Коля говорил о детях и бизнесе, он копил на квартиру и дарил мне дорогие подарки.

Он и теперь любит говорить о галочках в своем списке – дом, жена, дочь, фирма. Полная чаша, красавица, умница, прибыльное предприятие. Коля любит говорить о нас, перемешивая нас в одну кучу. Но говорит он о нас, только когда выпьет. А пьет он, в общем-то, только по праздникам, которых, как известно, в России предостаточно. Новый год – наипервейший из них.

– О-о-о, Николай, да ты уже хорош! – воскликнул Воронцов, глядя, как моего мужа «занесло» на повороте в кухню.

– Борис, ты не прав! – Коля повернулся и усмехнулся. – Я в порядке.

– Пиянство – не порок, коли человек хороший, – вставил свои три копейки Федя. Так и сказал – «пиянство». В его исполнении это прозвучало, как слитые воедино «пиявки» и «явства».

Я посмотрела на часы. До двенадцати оставалось еще сорок минут. Свекровь сидела как на иголках. Ей хотелось спать, но традиции есть традиции. Приходится есть оливье. Алинка тоже уже слегка окосела и принялась рассказывать сто первую историю о прошедшем годе. Если бы не Алинка, праздник был бы совсем непереносим.

– Ну что, проводим старый год? Он нас не обижал, и мы его не обидим. – Свекор поднял рюмку, и сразу стало понятно, в кого Николай пошел.

«Яблоня» сидела за нашим столом, красная от подскочившего давления, и балагурила. Мы «вздрогнули». Дочь дергалась так, словно «сидеть как на иголках» было выражением букввальным, а не переносным. Она не могла дожидаться, когда папочка уйдет «в нирвану». Тогда можно будет улепетнуть из дому и до утра таскаться с местными подростками, кататься на квадроциклах по поселку и деревне, пугать народ. Я боялась этих четырехколесных монстров до потери пульса.

– Коля! Захвати с кухни еще холодца! – крикнула свекровь.

Я почему-то почувствовала, что как-то ужасно устала от всего этого. Каждый год одно и то же. Колька будет пить до изнеможения, отвечая на любые вопросы, что он имеет право. И не так уж часто он... И вообще, он тут всех нас «тянет», так что должен же и он хоть иногда... Потом он отключится где-нибудь в самом нелепом месте, и проблема его транспортировки до места ночного упокоения будет исключительно моей. А наутро ему будет плохо, очень плохо. Однажды я даже вызывала «Скорую», потому что он не мог пошевелить руками и вздохнуть. Врачи приехали и сказали, что у Коли предынсультное состояние и что они – врачи – тоже

ненавидят праздники. И Новый год в особенности, потому что на любые другие праздники народ тоже напивается до чертей, но частями. А на Новый год страна напивается целиком и полностью. До потери пульса в буквальном, медицинском смысле этого слова.

– Да уж, холодец удался, – согласился Федя, поглаживая бороду. Вид у него и правда был... патриархальный.

А потом говорил президент, и Федя комментировал каждое его «В новом году мы добьемся еще больших результатов!».

– А то как же. Добьем всех оставшихся пенсионеров! Долакаем нефть! – глумился он.

– Заткнись ты, блаженный. Дай послушать, – возмущался Воронцов.

– «Прошедший год был не из легких», – вещал ВВП.

– Будущий будет вообще трендец! – подвывал итог Федя.

В общем, все как всегда. Мы с Алинкой загадали по желанию, пока били куранты. Я загадала, чтобы Коля бросил пить, пока с ним не случился инфаркт в самом деле. И я примерно догадываюсь, что загадала Алина, томно закатывая глаза и косясь на окно, в которое виднелся соседский забор. Пробыли куранты. Все почувствовали, что выполнили долг перед Родиной, соблюли все положенные традиции. Свекровь было подалась в сторону спальни, но муж ее остановил:

– А подарки, мать?

– Ой, да что мне надо, Колечка! В моем-то возрасте – только здоровье, – вздохнула она и тут же получила коробку с дорогими заморскими витаминами для пожилых людей.

– Ох, сынок, как же это ты угадал! – прослезилась свекровь, целуя уже с трудом стоящего на ногах Николая.

Я привезла витаминки из Франции, но приберегла до этого случая. За подарки в нашем доме отвечала я. Алинка получила флакон своей любимой туалетной воды – уж я-то знаю, какой она пользуется. Дашка погрузилась чуть ли не полностью в коробку с очередным крутым телефоном. Вот времена – каждый год я дарю дочери какое-нибудь устройство. У нее их уже миллион, и я, признаться, не вижу между ними большой разницы. Но каждый раз она находит, чего бы еще захотеть. И таким образом, не приходится ломать голову над подарком. Я с содроганием думаю о том моменте, когда она разлюбит электронику. Вот тогда мне реально придется призадуматься.

– Олечка, ну ты даешь!.. Это же крутизна!..

Колины запросы тоже не отличались разнообразием. Лучше всего – оружие, но это, как правило, от друзей. Оно дороже, и я в нем ничего не понимаю. От себя я дарю что-нибудь для автомобиля. В этом году я долгие часы провела, выискивая, какая бы еще ненужная фигня могла порадовать моего супруга. Придумала заказать настоящую кожаную куртку с символикой «Феррари».

– Моему гонщику! – ухмыльнулась я.

Гонщик из моего Николая сомнительный. Человек, столь серьезно помешанный на безопасности, он никогда не носится по дорогам, даже когда они бывают совершенно пусты. Хотя такое с нашими дорогами случается крайне редко. Однако куртка ему, кажется, понравилась. Он, как ребенок, принялся примерять к ней все свои солнцезащитные очки и бейсболки, фотографироваться на телефон и отсылать эсмэски своим друзьям. Угадала? Ура!

– Ладно, дети, мы с папой пойдем спать, пожалуй, – аккуратноенько встала свекровь.

Она решила, что раз уж подарки розданы, то пришел тот сладкий час, когда можно пойти спать. А то, что подарки розданы всем, кроме меня, она даже не заметила. Хорошая она женщина. Но не мама, знаете ли, все-таки не мама. Моя мама приезжает редко. Во-первых, живет далеко, а во-вторых, она не слишком-то любит моего мужа. Как-то с самого начала не задалось, еще с архитектурного института. По ее мнению, он лишил меня будущего. Никто не знает, о

каком будущем шла речь и какие мечты тешили мою маму. Она хотела, чтобы я стала архитектором, а не женой.

– Подожди, а Ольга? – спросила Алинка, прищурившись. Она попыталась испепелить Николая взглядом.

Коробки под елкой кончились. Муж забыл о подарке? Что ж, у человека тяжелая работа, много дел. Но болезненный укольчик в сердце я все-таки почувствовала.

– Ах да... Ольга! – Николая растерянно взъерошил волосы. – Что ж делать-то? Надо дарить подарки!

– Ладно, это все мелочи, – попыталась успокоить я его, но неловкий момент уже заполнил гостиную. Воронцовы отвернулись, чтобы не встречаться со мной взглядом – неудобно. Федя замер, сочиняя в уме соответствующую речь. Алина приготовилась выбивать из моего мужа энную сумму денег в качестве штрафа за амнезию. Она придает большое значение деньгам, так как они у нее и Сашеньки очень и очень разные. У меня же с мужем деньги общие, и недостатка в них нет. Так что подарить мне деньги не проканает. Забыл. Забыл? Такое возможно?

– Я сейчас! – Коля нетвердым шагом направился в сторону лестницы.

Я стояла посреди гостиной, мучительно пытаюсь придумать способ высвободиться из этого нелепого положения. Как он мог забыть! Он что, меня совсем больше не любит? Или это я перестала замечать, что происходит вокруг? Вроде бы у нас все более-менее в порядке. Мы в хороших отношениях, любим друг друга, несмотря на то, что столько лет живем вместе. С сексом тоже вроде все в порядке. Два-три раза в неделю. Или, скорее, один раз в две-три недели. Без затей, но регулярно. Не понимаю.

– Дорогая Оля, это тебе! – Коля стоял на лестнице, но нетвердо. Опасно кренился набок, как лодка в сильный шторм. Под воздействием алкоголя и эмоций тоже не устоишь. Я выдохнула с облегчением. Все в порядке. Коля улыбался, довольный, как поросенок, – провел всех, как же. В руках у него еле помещалась большая, завернутая в красивую бумагу коробка. Очень большая. Где он ее прятал? В кабинете? В гараже? В беседке? Небось перенес в дом только сегодня. Старался, продумывая свою каверзу.

– Ой, какая большая... штука! – захлопала в ладоши Алина. – Открывай, открывай!

– Да, открывай скорее! – кивнул Николай и резко продолжил движение по лестнице.

– Осторожнее! – крикнули мы все, так как угол его наклона стал слишком крутым.

– Ага! Попались? – рассмеялся он, притормаживая.

Коробка оказалась в моих руках. Самого ее наличия было уже достаточно, я не слишком-то интересовалась тем, что внутри. Чем меня можно удивить? Тоже заказать куртку от «Феррари»? У нас все есть, а в этом случае действительно становится важным внимание. Но я, конечно, разорвала бумагу и... онемела.

– Нравится? Нравится? – Коля крутился в нетерпении. Я не знала даже, что сказать. Передо мной, размером с плазменный телевизор в пятьдесят дюймов, на тяжелой раме, под идеально чистым стеклом развернулся постер с одной из моих собственных фотографий – «Синички в саду».

– Это великолепно! – только и смогла я выдать. Я помнила, как сделала эту фотографию. Прошлой весной, когда все на участке было залито водой, покрыто мокрым, блестящим под солнцем снегом – когда все таяло. Я ходила в резиновых сапогах и плаще. Было холодно в тени и жарко под солнечными лучами, а я потом простыла. Я сделала целую кучу фотографий, после чего неделю мучила Кольку, показывая их ему. Он уже видеть не мог все эти бесконечные красоты природы. Но эта фотография, с двумя птицами на нашей ели, была самой лучшей. Синицы на ней получились в фокусе, а по ветвям деревьев и лужам плясали солнечные блики.

– Я только так и не понял, что это за птицы? – спросил Коля, счастливо улыбаясь.

Я аккуратно поставила постер к стене – огромный какой! – подошла к мужу и поцеловала.

– Это синички, – пояснила я.

– Да? А выглядят, как орлы! – хмыкнул он и поцеловал меня в ответ. – Нравится, да?

– Ты запомнил фотку? Я в шоке! – Я улыбнулась.

– Но это еще не все, – добавил он. И достал из-за спины еще одну коробку – с фотоаппаратом, который я давно хотела купить, но все как-то жалела денег. И дело не в том, что у нас денег не хватало. Коля редко посвящает меня в свои дела, но все-таки, судя по тому, как с каждым годом растет стоимость его коллекционного оружия, я могу предположить, что с деньгами у нас все хорошо и даже лучше. Однако... Несколько тысяч долларов, чтобы фотографировать кусты? Ну не бред ли?

– Ты с ума сошел!

– Мы повесим постер прямо тут, над камином! – Николай махнул рукой на то место, где сейчас висело ружье Генриха Бареллы XVIII века, самая большая ценность в Колькиной коллекции, стоимость – тридцать штук. Это был жест! Снять Бареллу и повесить моих синичек? Он что, мне изменил и заранее заглаживает вину?

– Это просто великолепно! – захлопала в ладоши Алина.

А Николай поднес свои шершавые ладони к моему лицу, приблизился ко мне и поцеловал – страстно, в губы, опалив запахом крепкого дорогого виски. Допускаю, что он просто меня очень любит. А чего бы меня не любить? По крайней мере, после такого подарка Коля может напиваться до любого состояния. Я не скажу ни слова!

Зная это, Коля не стал отказывать себе ни в чем. Гулять так гулять! Родители ушли спать, а мы пошли на лобное место – так мы именуем небольшую площадку в поселке, где по праздникам (и на собрания, что не так весело, но так же шумно) собираются жители поселка. Мы встречаемся по разным поводам. Большею частью тогда, когда нужно решить вопросы о ремонте канализации или укладке асфальта. Поэтому-то оно и названо лобным – в основном люди там орут и ругаются друг с другом, а иногда кого-нибудь там подвешивают за «одно место», председателя, бухгалтера или главного инженера. Сети и коммуникации у нас работают через то самое место, за которое подвешивают персонал. Но иногда на лобном месте проводятся и праздники, и все становятся приветливыми и радостными. Крики и оскорбления забываются, остается одна сплошная любовь, теплые дружеские чувства, подогреваемые спиртным.

Когда мы пришли, народу на лобном месте уже было достаточно. Кто-то тащил фейерверки. Кто подкладывал дрова в большой костер посреди площади. Мы уже давно перестали запускать фейерверки на Новый год. Во-первых, потому что это стало больше напоминать конкурс «Кто выбросит на ветер больше денег?». Коля может потратить сумасшедшие деньги на какой-нибудь раритетный ржавый пистолет, но поджигать воздух? Во-вторых, потому, что, когда приходит время запускать петарды, он уже прилично навеселе и однажды ему чуть руку не оторвало, – Коля «забыл» отойти от уже подожженного салюта. А в-третьих, салютов в небе и без того хватает – небо буквально сияет, как при северном сиянии. Любуйся сколько влезет.

– Ну что? Он здесь? – Алина с трудом удерживалась от того, чтобы не начать разворачивать к себе присутствующих на лобном месте мужиков. Их было достаточно много. И все они вели себя отвратительно – гоготали, пили из горла, говорили приятные пошлости в адрес чужих жен.

– Я не вижу, – пожалала я плечами. Выискивать белую голову нашего нового соседа мне было незачем. Мне бы додержаться до утра. Уходи, Дед Мороз, уходи. Устала я и спать хочу.

– Николай! Ребят, Колька пришел! Наш Кевин Костнер! Ну что, мы можем спать спокойно, капитан? Охрана не подведет? – Толпа у импровизированного стола расступилась на секунду, а потом поглотила моего мужа. Мы с Алиной предусмотрительно отступили, чтобы не зацепило волной. Федька пил и проповедовал одновременно. После двух часов ночи и Воронцовы ушли спать. Алина уже почти потеряла надежду на появление блондина. Стояла грустная-грустная и кокетничала с мужиками от нечего делать. Я же завидовала Воронцовым. Я бы

тоже ушла, но не могла оставить мужа на поле боя. Неизвестно, в каком виде он вернется и вернется ли вообще. Надо было проследить за кормильцем.

– Ну, с Новым годом! – снова заорал кто-то прямо под моим ухом. Я взвизгнула и подпрыгнула от неожиданности. Краем глаза успела заметить Дашку, пролетевшую мимо на чьем-то квадроцикле.

– Олечка! Олечка! – Коля вынырнул на секунду и посмотрел на меня такими глазами, что я поняла – ползком в лучшем случае.

– Коль, пойдем домой, а? Я устала.

– Ты иди, я потом, – пробормотал он.

Вернее, пробормотал он нечто неразборчивое. Но я уже умела разбирать его невербальную информацию. Долгие годы практики. Коля стоял на ногах только благодаря тому, что его обступали какие-то люди. Когда группа теснившихся рядом «однополчан» сделала движение в сторону, Коля потерял равновесие. Осев мешком на снег, он удивился и обиделся. Попробовал встать, но не смог.

– Ага, опять на снегу уснешь? Вот ты молодец! – фыркнула Алина, качая головой.

Коля что-то ответил ей, и, судя по косвенным признакам, что-то нелicenseприятное и даже, возможно, матерное. Но Алинка не заметила. Ее глаза вдруг осветились неземным светом, на устах засияла улыбка, после чего выражение ее лица изменилось, стало странным, нелепо детским и томным. Говорят, именно такое выражение лица у женщин любят мужчины. Алина незаметно поправила бюстгальтер под кофтой и зазывно улыбнулась. Я еще не успела обернуться, как уже поняла, что он здесь. Сосед-блондин. Мой муж предпринял новую попытку встать, но снова потерпел фиаско.

– С Новым годом! А мы вас видели из окна. Вы наш новый сосед? Очень приятно, Алина. Отличная погода, да?

Я медленно повернулась, мучительно прикидывая, как мне теперь тащить мужа до дома. Наш дом расположен на приличном расстоянии от лобного места.

– Добрый вечер! – Голос блондина, совсем негромкий бархатный баритон, контрастировал с окружающим миром своей трезвостью. Ни тебе запинания, ни тебе криков и междометий. – С Новым годом! Владимир.

– Очень, очень приятно! – ворковала Алина.

Чистейший русский язык, не иностранец. Владимир стоял посреди пьяной толпы мужиков в белоснежном пуловере, голубых джинсах и светлой куртке. И улыбался. Улыбался почему-то мне.

– Мне тоже! – Он протянул Алине руку и пожал ее, но глаз от меня не отвел.

Глаза отвела я. Владимир был слишком хорош, вблизи еще лучше. На фоне искрящегося снега и разлапистых елей он смотрелся совсем как манекенщик, рекламирующий на страницах глянцевого журнала зимнюю одежду от финского дизайнера. Даже трехдневная щетина была словно с картинки. Может, он модель? Или вообще не настоящий человек, а картонный постер?

– А вас как зовут? – спросил он меня.

– Ольга, – ответила вместо меня подруга. – А вы к нам надолго или навсегда?

– Надолго, конечно. Кто же из таких чудесных мест по своей воле уезжает. Тем более с такими соседями. – Он подмигнул Алине и улыбнулся еще очаровательнее.

Кто-то из мужчин вынырнул из собравшейся вокруг стола толпы и поприветствовал незнакомца. Гостеприимство так и лилось рекой в пластиковые стаканы. Владимир от предложенного стаканчика не отказался, но я заметила, что он практически не пил из него, только делал вид. Любезный? Не хочет портить никому настроение своей трезвостью? Только у нас в стране быть трезвым на Новый год неприлично!

– Значит, вы и есть тот сумасшедший, который купил Домик дядюшки Тыквы? – хохотнул один из «наших».

Владимир посмотрел на него с недоумением, а потом рассмеялся. Догадался, почему «тыквы». Смышленный.

– Хотел бы я иметь такого дядюшку. Да, это я. Тот самый сумасшедший.

– А почему здесь? – спросил кто-то из толпы. – Чего не в городе? За такие деньги в Москве многое можно купить.

– Двушку в Беляеве? – громко расхохотался мой муж прямо из своего снежного партера.

– Это точно. Примерно такой обменный курс, – рассмеялся в ответ Владимир. – Мы с женой... Часть года мы живем в Германии, а тут бываем в основном по делам. И, признаться честно, такой город, как Москва, утомляет. Мы уже не в том возрасте, чтобы любить городскую суету.

– В каком это таком вы возрасте? – кокетливо уточнила Алина.

Владимир посмотрел на нее немного удивленно. Алина была шумной и бурной, словом, она была тоже весьма прилично пьяна. Если Владимир не понял этого сразу, теперь это до него дошло. Он еле заметно кивнул и ответил:

– Лет на десять как минимум старше вас. Мне сорок два.

– Сколько?! – крикнула она, вытаращившись от изумления.

Я, признаться, тоже несколько онемела. Сорок два? Ему не дашь больше тридцати. И тридцать-то только за-ради бога и из-за пуловера на молнии и щетины. Врет? Я прищурилась и вдруг поняла, что нет, это правда. Ему сорок два, и у него есть морщинки возле глаз, а сам взгляд как раз и соответствует прожитым годам. Вот так может выглядеть человек, оказывается. Коля вынырнул откуда-то и плюхнулся неуклюже рядом со мной. Он был никакой.

– Сорок два. А вам, должно быть, двадцать восемь? – сказал Владимир с улыбкой, которая не оставляла сомнений в том, что он примерно догадывается о том, сколько Алине лет на самом деле. А взгляд его в этот момент вдруг переместился на меня. Он посмотрел мне в глаза, и меня словно обожгло изнутри. Я вздрогнула и отвернулась. Ничего подобного я не чувствовала уже очень давно. Я уже много лет жила, ничего особенного не чувствуя. Иногда мне даже казалось, что я вообще не живу, что меня поставили на паузу. Не хорошо и не плохо, просто никак. Заморозка так и не отошла. И уже отвыкла, когда на меня смотрят *таким* взглядом. Владимир отвернулся тоже, и мне моментально стало холодно.

– О, хитрец! Мне уже тридцать... один! – кокетливо изогнулась Алина и достала сигарету.

Если она надеялась, что Владимир даст ей прикурить, она ошиблась. Такие не курят, конечно же. Алина прикурила сама и элегантно задыхалась. Владимир поморщился, но так, что этого не заметил никто, кроме, кажется, меня. Алина прилипла к нему и не отходила ни на минуту. Владимир вел себя безупречно, отлеплять ее от себя не стал, просто еще разок аккуратно упомянул о том, что его жена Елена устала и легла спать. Алина проигнорировала это сообщение.

– А я вот никогда не сплю в новогоднюю ночь. Это же ночь волшебства! Всякое может случиться в такую ночь, да, Олька?

– Да-да, – с досадой ответила я.

Честно говоря, я уже начинала испытывать нечто вроде паники. Я тоже боялась, что всякое может случиться в эту сказочную ночь. Колька был совершенно пьян и абсолютно не отдавал себе отчета не только в этом, но и в том, где он, кто он и как его зовут. Я бегала вокруг него, пытаюсь замотивировать на подъем и дальнейшее движение к дому – безуспешно. Николай спал. Владимир нахмурился и внимательно посмотрел сначала на меня, потом на моего мужа. Я покраснела, чувствуя, что готова провалиться сквозь землю. Но провалиться не получилось, к сожалению, – только сапоги немного увязли в сугробе.

– Вам помочь?

– Нет, спасибо. Я в порядке, – ответила я с тоской. Да уж, я в порядке. Как бурлаки на Волге, я в порядке. И тащить мужа домой буду совсем как они.

– Знаете что, мы с вами живем рядом. Я все равно уже собираюсь домой. Давайте-ка я провожу вас и вашего мужа. Как его зовут?

– Николай.

– Коля, вставайте. Обопритесь на меня, хорошо? – Владимир склонился и, совсем не боясь запачкать свои дорогие джинсы и пуловер, обнял моего мужа за талию и потянул с земли.

Николай забормотал что-то неразборчивое и попытался вырваться, но это у него не очень-то и получилось. Владимир был сильнее, что меня тоже не удивило. Коля верит в силу огнестрельного оружия, а этот Владимир, очевидно, в силу собственного тела.

– Ничего, ничего. Все хорошо. Надо идти домой, – бормотал Владимир, пресекая пьяные попытки моего мужа скрыться с места преступления. Мы с Алинкой плелись за ними, и я странным образом злилась на этого Владимира, он раздражал меня этим непереносимым контрастом. Хотелось, чтобы он тоже еле стоял на ногах, хотя бы пошатывался, что ли! Когда друзья мужа напивались, случалось всякое. И периодически кто-то провожал его, подвозил или дотаскивал – это было мне не впервой, но они были приблизительно в той же кондиции, что и он. Мы могли смотреть на них и думать: ну мужики, ну допились. И чего только вы находите в этой водке, будь она проклята! Но они были такие все без исключения. Владимир был другой. Иной!

– Ш-ш-ш, почти пришли. Тише, Коля, тише. Вы бы ему угля активированного дали перед тем, как уложить спать, – пробормотал Владимир, глядя на Николая с поистине отеческой заботой, как на тяжелобольного человека.

Мне захотелось заехать ему по красивому лицу. Тоже мне ангел. Алинка смотрела на него, как на посланника небес. Я же стыдилась, да. Я понимала, что вещи просто не могут быть хуже, чем они есть. Как я ошибалась! Примерно на середине дороги моего мужа Колю начало тошнить.

Глава 3

Утро доброе!

Алинины надежды не оправдались. Владимир не остался ни на чашечку кофе, ни на рюмочку чего-нибудь покрепче. Он только вежливо улыбнулся и сказал, что хотел бы все-таки лечь спать затемно, потому что назавтра у него планы. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что его главные планы – никогда больше не встречаться с нами. Но воспитание не позволяло ему сказать об этом напрямую. Басурманин проклятый!

– Планы? – возмущалась Алина, яростно орудуя пилочкой для ногтей. – Какие могут быть у человека планы первого января?

– Может, у него встреча?

– С кем? Никто не просохнет раньше пятнадцатого! Он просто решил соскочить. Что и неудивительно после того, как твоего Колечку стошнило ему на рукав! Господи, в кои-то веки попался нормальный мужчина...

– Женатый мужчина!

– Ты в своем уме? Нормальные мужики всегда женаты. Что ж теперь, не смотреть на них? Эх, мне бы хоть фотку с ним надо было сделать – Сашеньке послать в его сраный Куршавель. Чтоб он там подавился своей независимостью. Владимир. Влади-и-мир! – Она пробовала имя на вкус, и оно ей все больше и больше нравилось.

– Алина, держи себя в руках!

– Я готова держать себя в руках. Лишь бы руки были правильные... Владимирrrrr! Мурrrr!

Алинины выражения крепчали, и к утру она стала вести себя совсем неприлично. Я уже пожалела, что у меня в доме есть столько спиртного, да еще и в открытом доступе. Алина все-ррез собралась идти к соседям в гости и потребовала у меня хоть какую-нибудь пачку печенья в качестве новогоднего презента.

– Как в «Домохозяйках»! Там, между прочим, они всегда встречают своих новых соседей чем-нибудь вкусненьким.

– Но не в таком состоянии и не в шесть утра. И не печеньем «Юбилейное» из пальмового масла! – злилась я. Даже сапоги ее спрятала на всякий случай. Ненавижу Новый год.

Спать легли только после того, как Алина немного побегала по нашему участку босиком. Холодный мокрый снег ее взбодрил, и идея идти делать фотку с соседом ее отпустила. Коля спал в гостиной, тяжело дыша (спасибо, что вообще дышал), держась одной рукой за сердце. Рядом с ним стоял тазик, тоже на всякий случай. Дашка так и не пришла ночевать, но мне было уже не до нее. Надоело! Все надоело! Я ушла в спальню, задернула занавески, закрыла окно (какая тварь вообще его открыла?), с улицы все еще доносился грохот новогоднего салюта. Кто-то все еще палил по мутно-серому утреннему небу.

– Как же все достало! – произнесла я вслух довольно громко. И погрузилась в липкий, жаркий полусон, из которого меня периодически выдергивали какие-то неопознанные резкие звуки.

– Олечка! О-о-о... Олечкаааа! – звучали крики в моей уставшей голове. Я мотала ею так, словно мне снился кошмар. Но кошмар происходил наяву. Да и не кошмар вовсе.

На пороге комнаты, привалившись к дверному косяку, бледно-серый, с трясущимися руками, стоял Коля. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что ему плохо. Нужно было ему все-таки дать активированного угля. Ой, нужно было!

– Детка, мне бы водички! – прохрипел он и провалился на кровать.

Я примерно знала, что произошло и почему Коля взял на себя труд подняться в таком состоянии на второй этаж, хотя спал он в непосредственной близости к источнику живительной влаги – к кухонному крану. Кто-то его спугнул. Вряд ли это был Федя, который вообще неизвестно вернулся ли домой. Точно не Алина – она придет в себя только после обеда. Значит, родители проснулись и спустились на кухню. Колина мама, взволнованная и переживающая, небось кружила вокруг сына как коршун. Конечно, она старалась не шуметь. И конечно, она его сразу разбудила. Пить при ней воду из-под крана Коля, естественно, не стал.

– Так, только если будет тошнить – доползи до ванной, слышишь? – потребовала я.

– Ооолечка! Прости ты меня, ради бога.

– Молчи уж!

– А как я вчера попал домой? – спросил он с интересом. – Я ничего не натворил?

– Тебя принес сосед, – поведала я.

– Принес? – Муж сделал усилие и приоткрыл глаза. Принести такого амбала – идея действительно сомнительная. Но только не для Владимира с его кубиками пресса.

– Притащил.

– А кто? Какой сосед? Димка?

– Не Димка. – Я устало поднялась с кровати и пошла вниз. За водой. Свекровь уже жарила какие-то блинчики на плите, хотя я не могла найти ни одного желающего их съесть. Да и салатов в холодильнике было полно. Ну да ладно. Чем бы свекровь ни тешилась...

– Как там Коленька? – спросила она с придыханием. – Ничего?

– Ничего, – кивнула я, выдавливая лимон в кувшин с водой. – Ничего...

– А вы с Алиночкой во сколько легли? Мне кажется, я всю ночь слышала какие-то ухающие звуки.

– Да что вы? – Я не сдержалась и ехидно хмыкнула. – Кто-то шумел?

– Олечка, ты бы поговорила с Дашей. Что же она так сильно красится? Всю кожу попортит, ведь она же совсем еще девочка. Зачем ей столько туши на глазах?

– Вот вы, мама, и поговорите, – пробурчала я. С тех пор как у Дашки начался переходный период, говорить с ней почему-то не возникало желания. Все мои слова она просто пропускала мимо ушей. А если с ней говорил Коля, то он обычно тут же начинал кричать. Так что услышать что-либо вразумительное от нее в этот момент тоже было сложно.

Коля залпом выпил весь кувшин и тут же заново отрубился. Я послонялась по дому, раздумывая, где бы мне прилечь, но я теперь была беспризорной, бескомнатной. В спортзале на кушетке обнаружился Федя. В библиотеке – Алина. Я бы пошла в кабинет мужа, но там все еще спал свекор. Заговор. Я постояла немного в гостиной, посмотрела на роскошный постер с моими синичками... Да, пусть он висит над камином, плевать на мушкет. И, решительно тряхнув головой, набросила на плечи дубленку и вышла на улицу.

Холодный воздух был спасением. Наверное, в доме надо бы уменьшить отопление, уж очень сухо и жарко было в комнатах. Погода меняется с плюса на минус и обратно так быстро, что не знаешь, какую температуру выставить.

На улице было ошеломляюще красиво. Тишина. С неба шел небольшой снежок. Все разбойники устали и разбрелись по своим пещерам. Поселок спал, и только я в одиночестве бродила по заснеженным улицам. Даже собаки не лаяли. Никого...

– Доброе утро! – Голос раздался откуда-то из-за спины, и я даже не сразу поняла, что обращаются ко мне. Даже не повернулась. Тогда «доброе утро» повторили чуть громче. Я обернулась и увидела Владимира. Он улыбался.

– Владимир? Доброе утро! Вы уже на ногах? – Я удивленно осмотрела его красивое, совершенно свежее, неуставшее лицо. Потом взгляд переместился ниже, еще ниже. Совсем вниз.

– Я не просто на ногах, я на лыжах! – кивнул он, довольно сияя. – Решил покататься перед завтраком, разведать здешний лесок. Уже возвращаюсь. А вы, как я вижу, тоже не спите?

– Что вы, я вообще никогда не сплю, – зачем-то брякнула я. Предполагалось, что это шутка юмора такая.

– Да уж. Такое прекрасное утро! Просто грех проспять его. – Владимир, определенно, понял меня неправильно. Что и немудрено, ибо никакого смысла в том, что я говорила (или думала), не было. Я внезапно вспомнила, что когда-то тоже мечтала кататься на лыжах каждую зиму. И лыжи-то у меня имелись. Стояли в гараже, кажется... Где-то, в общем, стояли. Уже не помню, где именно.

– Да уж... Грех... – Я зачем-то улыбнулась в ответ.

Он был так чертовски красив, этот Владимир, и улыбка у него была такая!.. Как может сорокадвухлетний (сделаю вид, что верю в эту цифру) мужчина улыбаться такой детской счастливой улыбкой? Как можно не улыбнуться в ответ!

– Тут прекрасный лес совсем рядом с поселком. И даже есть лыжня. Я просто в восторге. Я нашел парочку горок, но, может, вы знаете еще какие-то интересные маршруты? Вы любите лыжи?

– Я все люблю – и лыжи, и санки. И горки... Тут все ездят в Волен, но туда, в общем-то, далеко. Я была как-то раз. Все времени не хватает.

– Вы работаете? – с пониманием закивал Владимир.

Я замолчала и покраснела. Ничего я не работаю. И времени у меня полно. Разленилась просто, как тварь последняя.

Повисла пауза. Владимир продолжал улыбаться, с интересом глядя на меня. И снова он был одет просто безупречно – в прекрасный (и дорогой) лыжный костюм с красными полосами. Без шапки, но с вязаной лентой вокруг головы, и светлые волосы развеваются под легким ветерком. Рекламная пауза! Да уж, этот мужчина умеет одеваться. Это ведь вовсе не вопрос денег. Хотя деньги тут тоже при делах, но вот мой муж, к примеру, тратит приличные деньги на то, чтобы одеваться, и, как бы он ни старался, где бы ни был, из каких бы границ ни привозил вещи, всегда получались джинсы, свитера и кожаные куртки. Он называл это «мой стиль». Но стиль – это то, что сейчас стояло передо мной. И улыбалось.

– Как ваш муж? Как его самочувствие? – спросил Владимир, и я моментально помрачнела. Хорошо бы начать знакомство заново, не с этой ужасной сцены, когда Владимир счищает снегом с рукава содержимое желудка моего мужа.

– Он в порядке, спасибо, – сказала я и потихоньку пошла обратно, в сторону дома. – Мне так неудобно. Честное слово...

– Бросьте. Прекратите немедленно. – Владимир улыбнулся и покачал головой. – Дело житейское. Я очень рад, что он в порядке. У моей жены есть коллекция очень хороших травяных чаев, она спрашивала, может, вы тоже увлекаетесь чаями?

– Ваша жена? А она тоже любит лыжи?

– Она у меня домоседка. Ей, знаете ли, приходится много летать из-за моей работы, так что в остальное время она любит проводить вечера дома. – Владимир скользил рядом и расспрашивал меня о том, как делишки, как детишки. Мы остановились возле моей калитки. Еще пара вежливых, ничего не значащих фраз, и я бы была свободна от него. Я чувствовала какую-то непонятную неловкость рядом с ним, неприятное напряжение. Словно говорила с английским лордом, который вежливо и тактично пытается заверить меня, что это совершенно нормально и не страшно, когда люди напиваются до неконтролируемой тошноты и состояния нестояния на своих ногах. Так я ему и поверила!

– Что ж... рад был встретиться. При свете, так сказать, дня! – Он снова улыбнулся своей очаровательной улыбкой и почти уже ушел, но тут...

– Оля! Привет! Владимир? – Из окна третьего этажа высунулась Алина, растрепанная, заспанная и крайне взволнованная открывшейся ее взору картиной – мужчина ее вчерашней мечты, на лыжах, рядом со мной и, что главное, – у калитки нашего дома.

– Доброе утро! – радостно ответил он. И посмотрел на часы. Времени было – около часа дня. Действительно, утро.

Конечно, Алина добилась своего. Владимир был буквально пригвожден к нашему забору, завален словами и ничего не значащими фразами. То, чего не удалось вчера, было достигнуто сегодня. Алина потребовала, чтобы Владимир пришел к нам в гости. Чисто так, по-соседски! Надо же как-то, знаете ли, быть ближе к людям. И она не отпустила его, пока он не пообещал ей непременно навестить нас. Бедный мужик, его вежливость его погубит! Как только он с ней живет до сих пор, с вежливостью! Неудивительно, что он в основном живет не в России. Тут бы его сожрали без остатка и вместе с лыжным костюмом.

– На черта он мне тут нужен! – возмутился мой муж, когда Алина сообщила ему «радостную» новость о предстоящем ужине.

– Для того хотя бы, чтобы поблагодарить за то, что он тебя приволок домой, – парировала Алина.

– Я этого даже не помню.

– Зато его куртка помнит!

– Оля! Уйми свою подругу и сделай что-нибудь с этим ужином, ради бога.

– Я сделаю ростбиф, – ответила я, пряча улыбку.

Конечно, Коля имел в виду не это. Он бы хотел, чтобы я избавила его от утомительной обязанности благодарить. Благодарить кого-то мой муж категорически не любит. Но мне вдруг даже стало интересно посмотреть, как мой супруг будет чувствовать себя рядом с нашим соседом. Это интересная штука – воспитание. Его нельзя сымитировать. То есть можно, конечно, попробовать. Можно держать себя в руках, хвататься за правильную вилку, штудировать книги по этикету. Но если ты привык расслабляться до состояния желе, рано или поздно ты проявишься и покажешь себя во всей красе. Пусть будет ужин.

– Ростбиф? – вытаращился муж. – Оля, помилуй! Покоя мне!

– Покой нам только снится, – сказала Алинка. Сказала – как отрезала.

В общем, план удался, но последствия не порадовали. Алина красилась и наводила тени под глазами полдня. Пить надо меньше.

Макияж может творить чудеса, что и было доказано, когда Алина спустилась к ужину. Но Владимир пришел с женой – так уж он, аристократ, понял Алинино приглашение. Его жена, молчаливая и какая-то поразительно невыразительная, контрастирующая с Владимиром женщина, стояла на моем пороге с пирогом в руках.

– Какая мерзкая Серая Мышь. Приперлась ведь! – прошипела Алинка, когда мы выскочили на кухню за новыми тарелками.

– Жена как жена. – Я пожалала плечами, но в чем-то Алинка была права. За весь ужин эта странная женщина не сказала и пары слов.

– Я даже имя ее не смогла запомнить! А ты? Как ее зовут?

– Ой! – ахнула я.

Действительно, Владимир представил ее, и она вежливо кивала, улыбалась, пожимала мне руку. Но теперь я не могла вспомнить ее имени. Я, как и все, пропустила его мимо ушей.

– Видишь! Она ему не пара.

– Зато ты – пара? – хмыкнула я и выглянула в гостиную. Там все было в полном ажуре. Николай рассказывал какую-то историю из своей охранной практики, а Владимир заразительно смеялся в нужных местах. Самое странное – моему мужу, кажется, было хорошо.

Спиртное на столе имелось, но не вызвало большого интереса со стороны присутствующих. Все налегали на воду и компот. Федя отсутствовал, Воронцовы вежливо улыбались. Свекор, перебравший накануне, теперь пил только таблетки от давления. Дашка спала в комнате, она пришла лишь к пяти часам дня и была, как она заявила, «в коматозном состоянии». У Коли не было сил выяснять, где нашу ладушку носило. Алина не пила ничего, кроме «Перье» со льдом. Она была в образе. Просто пай-девушка. Как можно предлагать ей водку? Только чистый спирт. Муж не пил, потому что больше не мог.

– Словом, когда человек идет работать в охрану, он в основном думает, что будет лежать на печи и читать газеты, – вещал Коля, налегая на ростбиф. – Лежать и кроссворды разгадывать. Как в «Камеди», да?

– В комедии? – Владимир замер в недоумении.

– Ну да, в «Камеди-клуб»! Понять и простить? Что, мол, нужно быть очень эрудированным, чтобы работать в охране. Нужно с детства готовиться, повышать уровень знаний, чтобы потом кроссворды разгадывать.

– Это такая юмористическая передача, – аккуратно вставила «мышь», обращаясь исключительно к своему «потерявшему нить» мужу.

– Юмористическая передача? – хохотнул Коля. – Ну, можно и так назвать. У нас если пройтись по нашим пунктам охраны, тоже можно целое шоу снять. Еще покруче будет. Вот, к примеру, у них график обхода территорий, но никто, к черту, его не соблюдает. А как проследишь? Поселков-то тьма. Прошел – не прошел... Так мы теперь проводим специальные кнопки по поселкам, чтобы, знаешь, охранники их ходили и нажимали в определенное время. По столбику в каждом конце поселка, а они-то немаленькие – некоторые в разрезе до пяти километров.

– Умно! – кивнул Владимир, деликатно игнорируя тот факт, что Коля берет салат из общей миски своей же вилкой. О том, чтобы использовать нож, речи вообще не шло – мы же все дома, все свои!

Коля ел шумно, с удовольствием. Владимир пользовался ножом и вилкой и, кажется, сам же этого стеснялся. Просто он по-другому не мог. Это было смешно, честное слово! Николай ничего не замечал. Это я люблю в своем муже больше всего – фиг-два ты его собьешь с толку или заставишь смущаться.

– Умно – не то слово. Но мои-то архаровцы еще умней. Они стали объезжать столбы с кнопками на велосипедах. Один раз объедут, пять раз нажмут – и думают, выкрутились. Так мы стали требовать, чтобы кнопку жали по графику. Раньше нажал – штраф.

– Технология. Только вот...

– Что только? – заинтересовался Николай. Он обожал говорить о двух вещах – своих «подопечных» и своих пушках.

– Если честно, то я, как простой потребитель этой услуги по охране, больше волнуюсь за то, чтобы охрана меня смогла защитить, если на меня нападут или ограбят. Мне в целом не так важно, чтобы они нажимали эти кнопки.

– Это да, тут ты прав, Володь, – кивнул муж. Я ухмыльнулась. Он переходил на «ты» автоматически, если человек ему нравился. А Владимир ему явно понравился. Было что-то в нем такое, что нравилось абсолютно всем. – Только это уж другой вопрос. Конечно, мы их и тренируем, и ложные проверки устраиваем. Так что вы с... с супругой можете спать спокойно... Если оплатите охрану, конечно. – Коля натужно рассмеялся. Я поняла, что он тоже забыл имя жены Владимира.

– О, конечно-конечно. Завтра же оплатим. Дорогая, подойдешь тогда к Николаю с деньгами. – Он развел руками и пояснил: – Я улетаю утром. На целую неделю. Ужасно не хочется, но – дела.

– А, это конечно. Дела. Только платить не мне. Вы на пост подойдите, там есть автомат. А чем ты-то, Володь, занимаешься? А то что мы все о нас да о нас! – усовестился Николая.

Алина зевнула. Владимир принялся пространно рассказывать о каких-то промышленных предприятиях, то ли металлургических, то ли около того и о технологиях чего-то там непереводимого. Чем Владимир занимался, было невозможно понять, как ни пытайся. Индустрия и тараканы. Коля вежливо слушал минут пять, а потом аккуратно перевел разговор на свои ружья. Да что там, не очень-то и аккуратно.

– А что, стрелять любишь? – спросил он, выбрав паузу прямо посреди незаконченного предложения о прокатных станах нового поколения.

Владимир вздрогнул, замер на секунду, а потом переключился на предложенную тему и к вопросам своей работы уже больше не возвращался. Вежливый!

– Я не имею большого опыта. Но оружие – это, конечно, магическая вещь.

– О, да. Когда держишь в руках «калаш», к примеру, понимаешь, в чем сила, брат. Да? – Николай снова ожидал понимания со стороны соседа.

Но тот, видимо, не смотрел ни «Брат», ни «Брат-2», и «в чем сила», не знал. Положение спасла Алина:

– А что, покажи уж нам, Коля, чего у тебя тут по стенам-то развешано. Какие новые чудеса оружейной техники?

– Не новые, а как раз старинные. Я, Володь, очень оружием увлекаюсь. Понимаю, это не оригинально. Но ничего не могу с собой поделат. Между прочим, все мои ружья – в действующем состоянии.

– Действительно? – Владимир огляделся, и я прямо почувствовала некоторое беспокойство с его стороны. Вот она – нормальная реакция человека на наличие такого количества оружия в доме.

– О, не дергайся так. Ни один ствол не заряжен. Это же произведения искусства, а не техника. Идем. Я тебе покажу все. – И Коля увел Владимира за собой.

Я знала, что у меня есть как минимум полчаса, чтобы передохнуть. Каждый пистолет, висящий в доме, имеет свою историю и свой «цимес». «Барелла», пока еще висящий в гостиной, будет последней точкой их вояжа. К этому моменту Владимир будет знать об оружии больше, чем он когда-либо мечтал узнать. Больше, чем хотел, на самом деле. Мой муж – самый настоящий оружейный маньяк. Если демонстрация пройдет успешно, то Владимиру не отвертеться от стрельбища. У мужа оно в собственности, там тренируют бодигардов и вооруженную охрану. И мужа хлебом не корми – дай пострелять на глазах восхищенных зрителей. Когда он ухаживал за мной, сто лет назад, мы потратили много часов и облазили все местные тир и стрельбища.

– Это восхитительно! – Я услышала приглушенный баритон Владимира. – Вы настоящий эксперт в этой области. Вашу коллекцию можно выставлять в музеях.

– Да мы ж на «ты», Володь, – поправил его муж, заходя обратно в гостиную.

– Да, Коля. Извини.

– А это самое настоящее ружье Генриха Бареллы, восемнадцатый век!

– Да что вы... ты говоришь! Серьезно?

Владимир был настолько корректен, что хотелось его спасти. Что и сделала Алина.

– Что же ты, Коля, не показываешь постер своей жены. Между прочим, Владимир, наша Олечка – прекрасный фотограф.

– Я могу это подтвердить. Исключительная работа, – тут же отреагировал Владимир, разглядывая моих синичек.

– Спасибо, конечно. Вы очень любезны, я понимаю. Но... Это просто птички. – Я почему-то смутилась.

Владимир – лицо ясное, взгляд ничем не замутнен – посмотрел мне в глаза и покачал головой:

– Вы себя недооцениваете.

– Да, Ольга, не кокетничай, – поддержала его Алина.

Я не выдержала взгляда и отвернулась. Мне захотелось почему-то, чтобы он уже ушел. Слишком уж он был какой-то весь респектабельный. Я даже разозлилась на эти его комплименты и пристальные взгляды. Чего он меня тревожит, а? Но он не ушел. И даже не отвел от меня своих красивых серых глаз.

– Я и в самом деле так думаю. Вы занимаетесь этим профессионально? – спросил он.

Я почувствовала, что он не так-то прост, как кажется. Что он не только хорош и вежлив, но и опасен. Не потому, что сказал или сделал что-то не так. Не потому, что он вообще что-то сделал или НЕ сделал. А потому, что, оказавшись рядом с таким человеком, начинаешь задумываться, а так ли ты прожил свою жизнь? Все ли в ней действительно состоялось и происходит так, как ты хотел и задумывал? Правильный ли выбор ты сделал в жизни? И почему, черт возьми, ты больше не катаешься на лыжах? Надо немедленно начать снова!

Глава 4

Честная женщина

Последствия праздников сказывались две недели. Все вокруг потеряли контроль над собой и над временем. Дашка взяла и покрасила волосы в красный цвет. Не просто в какой-то там темно-бордовый, с отливом, нет – в ярко-красный, огненный, пылающий, как осенние листья клена.

– Что это? – бушевал муж. – Я спрашиваю, что это, вашу мать?! Оля, как ты могла это допустить?

– Я? – вытаращилась я на него. – А разве она меня спрашивала? Разве она вообще хоть когда-то меня о чем-то спрашивает?

– Дашка? Что за нафиг? Отвечай, когда с тобой отец разговаривает!

– А мне, между прочим, ты запрещаешь говорить «что за нафиг»? – моментально отбилась Дашка. – А? Что за нафиг?

– Дарья Николаевна! Вы забываетесь! – прорычал Николай.

Но волосы уже были покрашены, и оставалось только принять это как данность. Единственное, чего удалось добиться от «переходной» дочери, это обещания перекраситься в конце каникул. В школу в таком виде ее просто не пустят. Но я сомневалась, чтобы наша деточка выполнила обещанное. Его, как известно, три года ждут. Господи, за что мне это!

Кроме этого, Коля придумал вдруг дружить с Владимиром. Это было невыносимо. Я тихо злилась и негодовала. Он бывал у нас чуть ли не каждый вечер. Что случилось с моим мужем? Он не проявлял интереса к новым людям со времен нашей свадьбы. А уж теперь... Это, в общем-то, не так просто после сорока лет – заводить друзей. Все уже как-то устаканилось, приобрело выверенные и комфортные формы. Дружья, хоть порой и невыносимые, как Алинка, зато проверенные. Отдых в давно выбранных местах. Напитки – не меняются годами. Блюда – готовятся по тщательно отобраннным рецептам. Разговоры об одном и том же. Никаких волнений.

– Владимир, оказывается, прекрасно стреляет по мишеням. Ты знала это? – Коля делился со мной радостью, не подозревая, как меня это бесит.

– Нет, откуда.

– Он, конечно, не бьет в яблочко, но в девяти случаях из десяти по мишени попадает. Лучше, чем Димка, представляешь? Он, оказывается, в свое время ходил в кружок ДОСААФ.

– Кто? Димка? – мотала я головой, стараясь не прислушиваться к тому, что мне говорит муж.

– Какой Димка, к черту. Володька!

Муж расписал в деталях, как много удовольствия они оба получили на стрельбище. И добавил, что если бы Володька немного потренировался, то результат был бы еще лучше. Я хмыкнула. Интересно, горели бы так глаза у моего мужа, если бы Владимир попал в яблочко в десяти случаях из десяти? Уверена, что злой как черт Николай поливал бы соседа грязью и называл бы выпендренником. Владимир же стрелял хорошо, однако хуже Коли. Лучший друг из всех возможных.

– Мы, кстати, хотели сегодня в бильярд поиграть.

– Он и в бильярд играет? А на машинке вышивать он не умеет, твой Владимир? – хмыкнула я с изрядной долей сарказма. Больше, чем надо, на самом деле.

– Ну что ты, Оля. Почему ты к нему цепляешься? Между прочим, он совсем в бильярд не играет. Ну и что? Я его научу. И вообще – в кои-то веки в нашем болоте появился нормальный мужик, и ты ворчишь не переставая. Ну что такое, а?

– Потому что вы будете в бильярд учиться играть, а мне потом опять ужин подавать в гостиной. Я устала сервировать торжественный ужин каждый божий день!

– Ну и не надо. Мы можем перекусить и в зимнем саду.

– Ага. Прямо на бильярдном столе. А я потом буду оттирать жирные пятна!

– Оля! Ты невыносима! – воскликнул Николай и посмотрел на меня, как обиженный ребенок, у которого отбирают любимую игрушку. – Ну не готовь нам вообще. Мы пиццу закажем!

– Этот Владимир выглядит настолько по-парадному, что я просто не могу представить его поедающим пиццу.

– Вот и не права ты. Он очень даже простой парень. Просто вежливый... даже сверх меры.

Николай пожал плечами и ушел. В сад, все в сад. Конечно, дело было не в том, что я устала ужины подавать или мыть тарелки. Тем более что их все равно мыла посудомоечная машина. Я устала от Владимира. Устала видеть его красивое лицо, устала от... Мне мерещилось, что он улыбается мне как-то по-особенному тепло. Пугали те мысли и идеи, которые приходили мне в голову. Я вздрагивала, когда замечала силуэт Владимира в нашей прихожей. Запах его туалетной воды вызывал у меня головокружение. Что я могла сказать мужу? Я бы предпочла, чтобы Владимир перестал появляться у нас в доме. И все же... я ждала его прихода каждый день. Против воли я смотрела на него, наблюдала за ним, когда была уверена, что он на меня не смотрит. В этом не было ничего – только пустые мысли, спутанные и бессвязные.

Потом Владимир уехал. Я не знала об этом, так как Николай мне ничего не сказал. Да и с чего бы? Я же и не интересовалась. Был, был – и исчез. Вечер нет, два, три... Тишь, да гладь, да благодать. Только где-то через неделю я вдруг забеспокоилась, что что-то изменилось. Какое-то необъяснимое чувство тревоги и неудовлетворенности появилось. Слишком уж тихо стало.

– А что твой друг-то тебя совсем покинул? – спросила я, стараясь не смотреть на мужа в этот момент. Почему-то я не захотела, чтобы он увидел мои глаза.

– Кто?

– Ну... сосед наш. Пропал совсем, не заходит... – Я приложила все усилия, чтобы мой голос звучал равнодушно.

– Так ты же этого хотела? – удивился Николай. А потом пожал плечами и добавил: – Он в Германии.

– А-а! – кивнула я и продолжила перебирать ложки, чтобы просто не привлекать к себе внимания. Мне хотелось спросить, надолго ли он туда поехал, когда вернется, придет ли еще к нам, не поругались ли они с Николаем. Ничего этого я, конечно, не спросила. Было бы странно. Но именно после этого разговора поняла: все плохо. Владимир мне нравится. Больше, чем мне этого хотелось бы. Черт! Вот ведь, не было печали – черти накачали. Я слишком дорожила своим благополучием, своим семейным счастьем, чтобы радоваться такому повороту событий.

Я люблю Николая. Любила всегда. Он всегда был и остается хорошим мужем, преданным, заботливым. Как говорит Алина – не пьет, не бьет и не гуляет. Чего еще надо в жизни? Я много лет жила в полнейшей уверенности, что больше ничего и не надо. А мечты, а страсти – это все можно выбросить из уравнения, сократить, поделить одно на другое. Да, страсти у нас уже не было. Когда-то была, но вся вышла. За двадцать лет любое вино превратится в уксус. Нет, я знаю, с вином это не так. Оно может пролежать и сто лет, не потеряв своих качеств. Но мы-то люди!

За годы жизни чувства меняются многократно. Иногда вспыхивают вновь, иногда теряются почти полностью, и ты лежишь в постели, смотришь в окно и думаешь о том, что потом, после этого... Надо пойти достирать белье, загруженное в стиральную машинку. И подвязать саженцы, а то что-то ветер очень сильный. Хотела сэкономить – не выйдет. Придется подвязать каждое деревце отдельно да покрепче. «Тебе хорошо, дорогая?» Конечно, хорошо!

И это неплохо! Мужчинам секса нужно куда больше, чем женщинам, но он в их понимании куда проще и быстрее, чем нам бы хотелось. Не стоит делать из этого проблему. Впрочем, если бы я сказала, что наша с Николаем личная жизнь меня в чем-то не устраивала, я бы сильно покривила душой. Он был отличным любовником, хорошо меня знал. Буквально, как пишут в книжках, каждый сантиметр моего тела. Знал и любил. Поэтому я никогда не жаловалась на недостаток внимания с его стороны. А на мужчин, заглядывающихся на меня, я смотрела с вежливым интересом. Ну-ну, дорогой, можешь хоть колесом ходить передо мной – я не собираюсь рисковать своим мирным небом ради сомнительного удовольствия поцеловаться с тобой или провести ночь. Это было легко!

Держаться в стороне, в рамках дозволенного, беречь семейное благополучие, мужнюю честь и все такое. Меня не раздирали противоречия, не мучили те желания, которые изводили Алинку. Ее Сашенька – сумасшедший и непредсказуемый сукин сын, который то дарил ей цапки от Vulgari, то выгонял из дома в одном белье. То бросал одну на все праздники. Глядя на нее, я еще крепче вцеплялась в надежное плечо своего мужа. Я бы могла поклясться, что нет такой силы на свете, которая смогла бы пошатнуть наше нерушимое благополучие. Нет на свете таких аргументов, которые заставили бы меня потерять голову. Что ж... я просто не встречала мужчин, подобных Владимиру. Бог миловал, до некоторых пор.

– Что с тобой? Ты сама не своя, Оль? Ты плохо себя чувствуешь? – Николай склонился надо мной и заглянул в глаза.

– Голова болит, – ответила я, не представляя, что еще я могу сказать.

Николай рассмеялся:

– Ну вот мы и дожили до времен, когда у жены «голова болит». Детка, принести таблетку?

– Давай, да, – согласилась я.

Он встал, мой красивый и сильный муж – да, время его не щадило, а большей частью он сам не щадил себя – и брюшко выросло размером с баскетбольный мяч, и лысина просматривается. Какого черта, это же мой муж. Он вышел, а я уткнулась в подушку и подумала, что буду счастлива, если Владимир просто возьмет и исчезнет из нашей жизни. Или хотя бы пробудет в своей Германии достаточно долго, чтобы я пришла в себя, оправилась от этого смятения, от никому не нужных мыслей и фантазий. Я не хочу заниматься любовью с мужем и думать в это время не о нем. Это почти предательство. Но улыбающееся и безмятежное лицо нашего соседа появляется перед моим мысленным взором само собой. Чтоб он провалился! Вместе со своими кубиками пресса.

Мои попытки справиться с чувствами почти увенчались успехом. Подумаешь, мужик, говорила я себе. Подумаешь, красивый. Мне, наверное, просто показалось, что я схожу с ума. Что я *настолько* свихнулась. Я не могла испытывать того, что испытывала, – это абсурд. Я приличная женщина! Видимо, я не выспалась и устала от праздников – вот и померещилось, что я влюблена. Алина придерживалась принципиально другой позиции. Муки совести ее не мучили – отношения с Сашенькой были достаточно мучительны и без них. Так что ее мои метания нисколько не тронули.

– Переспи с ним – и все. Тоже мне проблемы. Чем мучиться от бешенства матки! – огорошила она меня. Сама же при этом спокойно разглядывала очередную витрину.

– То, что ты говоришь, это же чудовищно! – Я вытаращилась на нее с испугом.

– Чудовищно вот это платье. – Она ткнула в трикотажное платье неприятного коричневого оттенка. – Оно уродует даже манекен! А влюбляться – естественно и нормально. Ольга, мы все люди, все слабы.

– Нет, ты спятила. И потом, с чего ты взяла, что он бы переспал со мной. Он любит жену...

– Все любят жену. И мужа тоже – все любят...

– Замолчи! Замолчи! – Я заткнула уши и пожалела, что заговорила с ней. Но Владимира не было уже несколько недель. И не говорить о нем все мучительнее, хотелось на стенку лезть. Я даже начала бегать на беговой дорожке по два часа в день – снимала напряжение. Но оно не снималось.

Жизнь шла своим чередом. Красноголовая Дашка уехала в свою школу – она училась всю неделю в частной гимназии, а домой приезжала только на выходные, ее привозил в пятницу вечером один из Колькиных шоферов. Я занималась рутинными делами, которые успокаивали меня лучше всего. Вязала шарф. Фотографировала слякоть. Делала покупки в магазине.

Владимир появился, когда я уже почти устала волноваться и оглядываться по сторонам. В буквальном смысле он возник из ниоткуда, когда я вытаскивала покупки из машины и перетаскивала их на крыльцо. Пакетов было много, а я одна, и что-то постоянно вываливалось из рук. Апельсины покатались по ступенькам, я материлась и держала оставшееся. Владимир возник в проеме незакрытых ворот в вельветовых брюках, ботиночках на тонкой подошве и в светло-коричневом кардигане. Совершенно не по сезону. Он подошел и взял у меня из рук пакеты. Он не предложил помочь, а просто забрал их.

– Тяжелые! – хмыкнул он, перескакивая через ступени. Я почувствовала, как волна обжигающего огня поднимается снизу, прямо из-под снега под ногами и заполняет меня до самых краев.

– Я могу и сама, – пробурчала я, хмурясь.

Дверь открылась не сразу, я никак не могла вставить ключ в замок.

– Руки замерзли? Да уж, не жарко.

– Как погода в Германии? – спросила я, стараясь приглушить тахикардию равномерным дыханием. Надо будет пойти и выпить таблетку свекра. Вот черт, Владимир здесь! Зачем? Так хорошо было без него.

– Вообще-то в Мюнхене ненамного теплее, чем в Подмосковье, но сейчас там в основном солнечно. Днем, конечно, – добавил он. – Ночью холодно. И дожди иногда идут.

– Дожди? – Я стояла в прихожей и не знала, что делать дальше. Пакеты были разбросаны вокруг – сто штук. Я, как всегда, накупила всякой ерунды. Мне захотелось его поцеловать. Что со мной не так?

– Я звонил Коле. Мы собираемся поехать покататься на лыжах куда-нибудь... Он сказал, что знает место. Как-то на С, кажется.

– Сарочаны?

– Да, точно. Сарочаны. – Владимир кивнул и улыбнулся. Негодяй.

Я прикусила губу и потащила пакеты на кухню. Один за другим.

– Давайте помогу!

– Нет! – практически выкрикнула я. Отдышалась и сбавила обороты: – Не надо, Володя. Дальше я сама. Спасибо.

– А вы не хотите поехать с нами в Сарочаны? Я помню, вы говорили, что катаетесь.

– Каталась. Нет. Не хочу, – холодно ответила я.

Владимир помрачнел. Господи, я веду себя с ним грубо. Что он подумает!

– Я вас чем-то раздражаю? – вдруг спросил он после длинной паузы.

Я запаниковала и принялась нести какую-то околесицу про то, что уже поздно, что мне пора ужин готовить и вообще – ходить тут! Понатоптали-то! Вечно друзья мужа мне прибавляют работы, сил нет никаких полы мыть! Владимир извинился раз двести, наверное, и испарился с такой скоростью, что я не успела даже посмотреть ему вслед. Оставшись в одиночестве в нашем большом пустом доме, я плюхнулась на пол и уронила лицо в ладони.

Просидела так минут двадцать, не меньше. Пока вдруг не вспомнила, что у меня в пакетах полно замороженных продуктов. И что толку вот так сидеть на полу? Рыдать можно, и пока

готовишь ужин. А если кто заметит – можно сказать, что резала лук. Я его даже предусмотрительно положила рядом – нарезанный, чтобы красные глаза никого не удивили. Но никто и не обратил внимания.

Ужинали мы вдвоем с Николаем и почти все время молчали. Муж сидел с сосредоточенным, недовольным и напряженным лицом. Я не проронила ни слова, да и он тоже – лишь телевизор рассказывал что-то о прелестях новых прокладок для женщин. Конечно, Николаю было что сказать. Он только не знал, как лучше подступиться. Ждал подходящего момента. Когда все будет съедено и ужин уже нельзя будет испортить. Семейная жизнь давно научила его не начинать разборки за столом – ни к чему портить аппетит. Зато когда десерт употреблен...

– Скажи, какая муха тебя укусила?

– Муха? – делано удивилась я.

– Ты зачем наговорила гадостей Владимиру?

– Он тебе что, пожаловался на меня? – вытаращилась я. Это было бы классно! Если бы мы с ним стали традиционными соседями, с жалобами и претензиями, многое бы упростилось.

– Пожаловался? Владимир? Да он вообще ничего не сказал! – Николай бросил на меня испепеляющий взгляд. – Мы не виделись почти месяц, договорились погонять шары, на лыжах прокатиться, а теперь он уперся и сказал, что не хочет доставлять тебе беспокойство. Что, черт возьми, это значит?

– Ничего не значит! – воскликнула я с возмущением. Нападение, как известно, – лучшая оборона.

– Что, мои друзья доставляют тебе так много беспокойства? Топчут? Я сто раз тебе предлагал нанять домработницу. Нет? Не предлагал? Но ты предпочитаешь грубить моим друзьям.

– Никому я не грубила!

– Да? Знаешь, что Володя сказал? Посоветовал мне побережь тебя. Сказал, что наши жены не должны, блин, таскать пакеты. Как будто я заставляю тебя таскать пакеты! Нет, я не понимаю! Если тебе тяжело тянуть хозяйство – почему ты мне ничего не говоришь. Ольга! Я с тобой разговариваю! – крикнул он. – Ты можешь помыть эту посуду и позже!

– Да? Тебе удобно за меня решать, что и когда мне мыть!

– Знаешь что, дорогая. Отойди. Я сам помою эти несчастные три тарелки. И имей в виду, твоих подруг в таком случае я тоже тут терпеть не буду. Раз я не могу пригласить в гости своих друзей... Блин, я даже не верю, что говорю это. В своем же доме!

– Извини! – Я села на стул и расплакалась. Совершенно без усилий на этот раз. – Извини, ладно? Просто ты так редко бываешь дома! – Я придумывала на ходу. – А теперь, когда этот Владимир вернулся, опять будешь все вечера проводить с ним, а я буду одна. А я не хочу быть одна! Я устала!

– Олечка, Оля! – моментально запаниковал муж. О, как он не любил, когда я рыдала. Мне кажется, мужчины придают такое значение женским слезам, как будто это стихийное бедствие вроде цунами. Боятся, что, если его не остановить, оно снесет все на своем пути. – Успокойся, детка. Ну что ты. Я же тут, я рядом. Это просто зима. Депрессия. Солнца нету совсем, да?

– Да-а! – рыдала я навзрыд.

Муж прижимал меня к себе и гладил по спине. Я же чувствовала себя свиньей последней, но в то же время была ужасно рада этому освобождению, этому взрыву, благодаря которому я выплеснула наружу хотя бы часть той взрывной волны, что накрыла меня изнутри, стоило Владимиру появиться на нашем пороге. Ночью я была особенно страстной. Николай даже пожелал мне почаще грубить друзьям (только не его, а моим), если это производит на меня такое действие. Мы не спали почти всю ночь, занимались любовью и разговаривали – и то, и другое было просто прекрасно. Мы смеялись, мы спустились вниз и принялись доедать остатки пирога – и все это в два часа ночи. Я вспомнила все, что было когда-то между нами. Я смотрела в его

темные от желания глаза, я держала сильные руки в своих ладонях и представляла, что это весла спасательной лодки, взлетающей вверх и вниз посреди бушующего моря. Но корабль уже шел ко дну, одна лишь я все еще хранила надежду, что мы спасемся.

На следующий день Николай уезжал на работу, ворча, что с такой неудержимой женой ему не удалось отдохнуть за ночь. Но ворчал он не зло, а очень даже благодушно. Инцидент с соседом он посчитал исчерпанным. Владимир с женой были снова приглашены к нам в дом, и я уже не стала даже и пытаться этому противостоять. Карма! Видимо, мне суждено было периодически смотреть в эти чистые прекрасные серые глаза. А если мы не можем ничего изменить – нужно это принять без сопротивления.

Я выбросила белый флаг и без зазрения совести стала с наслаждением наблюдать за Владимиром в интерьере нашей гостиной. И я даже не сопротивлялась, когда он пригласил нас к себе в гости – ответный жест на наше гостеприимство. Их дом показался мне еще не слишком обжитым – в нем не хватало мебели, совсем не было личных вещей, не было фотографий, не было разных мелочей и сувениров – полки из гипсокартона в стенах стояли пустыми. Его жена приготовила какую-то ужасную рыбу и пирог с мясом. Я лишний раз подумала, что она удивительно не подходит ему. Алина бы меня поняла.

Вечер прошел приятно. И тепло камина согревало, и терпкое вино обостряло чувства. Я ощущала себя в безопасности, находясь в обществе собственного мужа и Володиной Серой Мыши – жены. Я расслабилась и наслаждалась вечером. Потеряв всякую бдительность, я беспечно болтала с Владимиром обо всем на свете. Об институтской юности, о наших с Алинкой безумствах, об архитектуре, которая хоть и покорила мое сердце, но так и осталась далека от меня, как крыши небоскребов. О моей любви к фотографии речь, конечно, тоже зашла. Николай сбегал к нам, благо бежать было недалеко, и притащил стопку моих работ.

– Тоже скажешь, работы! Работы – это у художников. У меня – фотки.

– А чем, по-вашему, отличаются профессиональные фотохудожники от вас? – поинтересовался Владимир с непринужденной улыбкой.

– От меня? – рассмеялась я. – Да всем!

– Возьмем, к примеру, Джека Дикинга! – продолжил он.

– Джека Дикинга? – улыбнулась я, не чувствуя угрозы. Беспечность свойственна тем, кто выпил больше трех бокалов вина, верно? – Давайте его возьмем. Я, правда, понятия не имею, кто этот парень, но давайте. Берем его!

– Джек Дикинг – всемирно известный фотохудожник. Снимает в основном природу, совсем как вы, Оля, – пояснил Владимир, глядя мне в глаза. – Я удивлен, что вы его не знаете. У вас с ним есть что-то общее. Оригинальный взгляд. Умение уловить момент.

– О боже, я сейчас растаю, как Снегурочка! – воскликнула я. – Ты слышал, Коль? У меня есть оригинальный взгляд!

– Определенно есть!

Владимир стал размахивать моими фотографиями и показывать на пальцах. Длинными пальцами, гибкими и сильными. Черт! Я резко протрезвела и захотела домой. Время было позднее, так что моя усталость была вполне объяснимой и уместной. Разговор прошел и был забыт, но через пару недель вдруг Владимир объявился в нашем доме с сообщением, что в Москве открывается выставка работ Джека Дикинга. Всего одна неделя в выставочном зале на Остоженке! Вау! Редкая удача и все такое! Бла-бла-бла! Мы должны обязательно все пойти – и я, и Коля, и Серая Мышь, и, конечно же, Владимир.

– А что, давайте сходим, – без энтузиазма отреагировал мой муж, равнодушный ко всему прекрасному, кроме женщин и огнестрельного оружия.

– Отлично! – обрадовался Владимир и тут же начал планировать наш визит. Я решила, что, если сильно постараюсь, переживу и это. У меня уже появилась некоторая закалка против его чар. Так думала я. Господи, как я ошибалась!

Глава 5

Сила искусства

Я этого не хотела. Я стояла на тротуаре, присыпанном солью, и всерьез подумывала о том, чтобы сбежать. Плевать на все: на Дикинга, на приличия, на то, что обещала и что он будет меня ждать. Можно уйти и сказать потом, что что-то случилось, что-то изменилось, кто-то позвонил, и пришлось срочно лететь, возвращаться, на ходу менять планы. Может, у меня кто-то умер? Или родился! Или кого-нибудь переехало трамваем. Всякое может произойти – мы же в Москве. Можно позвонить и извиниться, но для этого всего нужно набрать его номер и услышать его голос, а это очень трудно сделать. Когда я слышу его голос, моя воля моментально слабеет, а в голове рождаются ненужные мысли.

Можно уйти просто так, а потом сказать, что села батарейка в телефоне. Да? Только как тогда меня вызвали туда, куда мне пришлось лететь и бежать? Позвонили – и батарейка умерла? Можно послать СМС. Это совершенно неприлично и вульгарно, но на крайний случай можно сделать так. Лишь бы что-то сделать. И как только Колька мог меня так подставить! Я была зла как черт. Но стояла и не двигалась, словно превратилась в соляной столп. Паралич воли и разума в чистом виде. Пять минут назад все было иначе.

– Привет, ты как? Ты скоро? – спрашивала я Николая еще пять минут назад с сердцем, полным надежд. Несколько дней я мечтала о том, как буду тихонько рассматривать Владимира, прикрываясь широкой спиной собственного мужа.

– Я перезвоню позже, – коротко и емко ответил Николай.

– В каком смысле? Ты где-то едешь? Далеко? – уточнила я, хотя сердце и ушло в пятки, надежда еще теплилась.

– Да бл...дь! – вдруг выкрикнул он громко и зло. И отключился.

Я перезвонила, смутно понимая, что не стоит он в пробке. Хотя... может, его полиция остановила. Обматерить полицию? Запросто!

– Оля, ты шутишь да? У меня тут ЧП на КПП! Маркет грабануть пытались, чего тебе надо, а? Дома поговорим! – и снова отключился.

Я постояла в раздумье, но решила все-таки еще раз рискнуть здоровьем. Хотя надежды уже не было все равно. Коля не приедет. Он не собирался. Забыл. А уж если что-то случилось на объекте, то у него и отмазка есть. А у меня ее нет, к сожалению. На мою непокрытую голову падал снежок.

– Коля! Ты забыл? Выставка. Соседи. Дикинга!

Долгая пауза. После нее нечленораздельный мат, смысл которого в переводе: «Ты совсем свихнулась, какая, к чертям, выставка! Извинись там за меня перед Володькой, и идите все в жопу. Не трогайте меня НИКОГДА!»

– Ну, класс! – ответила я в пустоту.

Надо было бежать, но сдвинуться с места у меня не получалось. Проблема была в том, что я всю неделю ждала этой встречи. Владимир улетал куда-то, и в его доме всю неделю не было света. Я хотела его увидеть. Хотела пару часов побыть в обществе человека, который вряд ли станет кого-то посылать в жопу, какими бы ни были обстоятельства.

Мужчина, которого я люблю и с которым живу столько лет, куда меня только не посылал за время нашей совместной жизни. Потом извинялся, конечно. Говорил, что у него стресс, ЧП, похмелье, машина сломалась посреди МКАД, бухгалтер уволился посреди отчетного периода... Я же должна понимать, бл...дь!

– Ольга! Добрый день! Давно ждете? Эти пробки – никогда не знаешь, на каком последнем светофоре перед поворотом встанешь на пятнадцать минут! Иногда кажется, что это такое

буддистское испытание для просветленных – Московская дорожно-транспортная система. Терпение на века. А где Николай? Тоже в пробке?

– Николай не смог приехать, – пробормотала я.

Владимир улыбался, чуть шурился в лучах неожиданно выглянувшего солнца и искрился, как бенгальская свеча. Темно-зеленое пальто, бежевый кашемировый шарф. Высокий мужчина и красивый, как черт-те что. И главное – никакой Серой Мыши. Даже и хвоста нет. За что ты испытываешь меня, господи!

– Мне очень жаль, – сказал он так, что было совершенно ясно, насколько ему ни на секунду дочку не жаль. – Лена тоже не смогла.

– Лена?.. – я запоздало сообразила, что Лена – это Серая Мышь. А она-то почему не смогла?

– Она вообще-то не очень любит выбираться куда-либо. Мне приходится вечно везде ходить одному.

– Коля вообще говорит, что все стоящее так или иначе все равно покажут по телевизору, – выдала я, пытаюсь спрятать глупую и совершенно неуместную улыбку. – А я обожаю куда-нибудь ходить. Мне так редко это удается.

– Да? Ну, давайте я буду вас вытаскивать в город почаще. В Москве столько интересного происходит. Недавно во МХТе давали шикарный спектакль. Ведущие актеры приезжали аж из Питера, чтобы сыграть. А я так и не нашел, с кем бы выбраться, – Владимир развел руками и улыбнулся немного растерянно, как ребенок.

Я почувствовала, что не могу дышать.

– Давайте вы будете меня вытаскивать, – кивнула я. – Поверить не могу, что вы любите театр.

– Очень люблю, – кивнул он, задерживая взгляд на моих губах. С ума сошел, что ли?

– Владимир, я должна сказать, вы первый мужчина в моей жизни, который вот так, в открытую, говорит об этом. Смотрите, доиграетесь! Это опасно, все мужчины решат, что вы недостаточно мужественны.

– Это не им решать. – Он рассмеялся и кивнул, открывая передо мной дверь в выставочный комплекс.

Большое помещение с высокими белыми потолками было почти пустым – в будни тут не так и много людей. Владимир купил билеты, элегантно отмахнувшись от моей кредитки. Сказал, что у него есть скидочная карта, по которой мой билет ему дадут практически бесплатно.

– Чем хорош этот комплекс, что тут можно сразу на несколько выставок попасть. Но мы все же сначала доберемся до Дикинга, а уж потом посмотрим, на что еще останутся силы, – сказал он, помогая мне снять шубу.

Коля тоже иногда пытался вести себя так. Открыть двери перед женщиной, принять, подать руку. Платил Коля за всех и всегда, это да. В остальном он воспринимал все эти мелочи как некую надстройку, которую стоит вытаскивать на свет только в особых случаях – в Большом театре или на приеме у английской королевы. А пока мы в «Макдоналдсе» или в «Перекрестке», нечего выделываться перед своими ребятами. Кладите куртки на сиденье.

– Осторожно, тут высокие ступеньки, – Владимир подхватил меня под локоть, когда я чуть не споткнулась. Он делал все это – все жесты простой вежливости – столь естественно и непринужденно, будто был рожден с этим особым талантом.

– Спасибо. – Я старалась делать вид, что смотрю на фотографии, а не на него. Хотя фотографии стоили того, чтобы уделить им побольше внимания. Дикинг действительно обладал и чутьем, и собственным видением. У него был особый талант, позволявший создать произведение искусства даже из волн на песке. Но настоящее произведение искусства – живое, с горящими серыми глазами – было рядом со мной.

– Вам нравится? – поминутно спрашивал Владимир, заставляя меня улыбаться и краснеть. И радовался, как ребенок, когда видел хоть какую-то реакцию с моей стороны.

Мне нравилось. Я этого не хотела. Я была бы рада, если бы кто-то позвонил мне и выбил бы меня из колеи, заставил бы задуматься хоть на секунду о том, что я творю. Никто не звонил.

Мы смеялись и придумывали дурацкие названия к прекрасным работам. Мы обошли весь десяток залов два раза, так как ни один из нас не хотел уходить и мучительно искал повод остаться еще ненадолго. Мы вышли, когда на улице стало уже совсем темно, но вместо того, чтобы остаться, решили зайти в какое-нибудь кафе и выпить чай с пирогами. Мы проголодались, но это был голод другого рода. Владимир вел себя безупречно, отчего я окончательно потеряла голову. Он вел себя настолько правильно, что я вдруг плюнула на все свои страхи и предоставила ему следить за нашей нравственностью и держать происходящее под контролем. У него это куда лучше получалось. Возможно, потому, что его-то не трясло при одном только моем приближении. Он-то действительно пришел сюда, чтобы посмотреть на Дикинга. В отличие от некоторых.

– Никогда не думала, что за снимки камней и деревьев могут платить миллионы долларов!

– Не стоит упрощать. Кадры со скалами в предрассветном тумане не так-то легко сделать.

– Зато интересно! – отвечала я, уплетая купленную Владимиром пиццу. Я даже не собиралась смотреть на часы. Пусть Колька подергается.

– Это да. Как бы я хотел зарабатывать на жизнь чем-то столь же прекрасным. Ездить по миру, искать красоту и страсть, разговаривать с людьми.

Владимир посмотрел в окно, взгляд его потемнел. В грусти он был ничуть не менее прекрасен. Он сидел так близко, что я могла видеть его морщинки, прочертившие тонкие линии возле его глаз.

– Неужели вы тоже занимаетесь чем-то, что вам не нравится? Вы выглядите человеком, довольным жизнью.

– Я произвожу такое впечатление? – удивился он. – Забавно. Нет, я ничего не могу сказать плохого о том, чем я занимаюсь. По меньшей мере это прибыльно. Искусство – удел везунчиков, но элемент творчества можно внести даже в металлургию. А вы, Оля? Вы довольны своей жизнью? Я имею в виду – у вас есть это все: прекрасная дочь, дом – полная чаша, муж, который вас обожает...

– Ну-у... это сложно, – протянула я. «Оля, бл...дь, я на работе! Какого хрена ты звонишь мне на работу!» Обожает, да.

– Почему все всегда сложно? – спросил он, глядя мне прямо в глаза.

И я поняла, что там, за этим роскошным фасадом, тоже есть место страданиям, переживаниям и боли. В это трудно поверить, когда перед тобой картинка из модного журнала. Но в этот момент я окончательно поняла, что Владимир мне нравится до одури, что я готова буквально на все, чтобы только прикоснуться к его широким плечам. И мне не нужно никаких обещаний, никакого будущего – дайте мне только кусочек настоящего. Господи, уведи меня отсюда! Сама я по своей воле не уйду.

– А у вас с Еленой есть дети? – спросила я, чтобы как-то сменить тему. Напомнить самой себе, что у Владимира есть жена. И моральные обязательства. Взгляд его потемнел, и он отвел глаза.

– Что-то не так? – испугалась я. – Извините, если я расстроила вас.

– Все в порядке. – Он покачал головой и замолчал, сделав вид, что пьет чай, которого уже не было в чашке.

– Я не хотела...

– Вы тут ни при чем, Оля. Просто Лена... У нас не может быть детей. У нее есть проблемы со здоровьем. Но это ничего. Это ведь случается, да? – Он улыбнулся снова, беззащитной

улыбкой ребенка, бесконечно доверяющего всем вокруг и не подозревающего о существовании зла.

Мне захотелось расплакаться и прижать его к груди. Ну почему так! Почему другим все, а мне ничего? Серая Мышь, у которой не может быть детей, – чем она его взяла? Гадкие мысли заполняли меня, словно грязь селевого потока, ползущего с гор.

– Я попрошу счет, – пробормотал Владимир. Напряжение потихоньку ушло, мы снова принялись обсуждать выставку, фотоискусство в целом и мои жалкие поделки в частности. Владимир громко возмущался из-за того, что я недооцениваю себя. Он выбил из меня обещание показать ему все, что у меня есть. Сказал, что работы нужно перенести в Интернет, сделать сайт. Я смеялась и говорила, что в таком случае у этого сайта будет гарантированно высокий рейтинг – его посмотрят как минимум два человека. Он и я.

Мы ехали вместе домой на его машине. Он страшно удивился, узнав, что я приехала на метро. На самом деле в этом не было ничего странного, ведь я-то планировала обратно добираться с мужем на нашей машине. На машине моего любимого мужа. Я повторяла это как мантру. «БМВ» Владимиру удивительно подходил. Я бы даже сказала, шел к его глазам и к цвету его рубашки. Его руки уверенно лежали на руле, и я молила о том, чтобы пробка никогда не кончалась. Когда мы подъезжали к поселку, Владимир сказал, что ему давно не было так хорошо. И что он уезжает на пару недель, но, если я захочу еще куда-нибудь выбраться, мне достаточно только позвонить, и он немедленно что-нибудь придумает.

– Наконец-то я нашел кого-то, кто тоже любит театры и картины. Лена, к сожалению, любит только возиться в саду.

– Да уж, что за жалость, – кивнула я, подумав, что Лена может сколько взлезет копать в саду или даже закопаться в нем целиком и полностью, если пожелает. Мне на нее плевать.

Владимир открыл дверь машины и подал руку, помогая мне выйти. Ладонь его была горячей и шершавой. Он сжимал мои пальцы всего несколько мгновений, но они показались мне вечностью. В какой-то момент я вдруг подумала, что он может меня поцеловать. Глупая и абсурдная мысль заставила меня задержать дыхание и зажмуриться – так страшно мне стало.

Конечно, он не стал этого делать. Ему бы и в голову не пришло, какие демоны бушевали у меня в душе в тот момент. На какие вещи я была способна. Он выпустил мою ладонь и подождал, пока я открою калитку. Пожелал хорошего вечера и попросил передать привет Николаю. Сказал, что позвонит ему на днях.

Я шла домой на негнущихся ногах, испытывая что-то вроде лихорадки. Прежде чем зайти в дом, я провела минут десять на крыльце – курила Колины сигареты и смотрела на небо. Не думала ни о чем.

Николая не было дома. Его ЧП на КПП потребовало от него целой ночи. Возможно, за этими его словами крылось что-то еще. Никогда нельзя быть уверенной в том, что муж говорит тебе правду о том, почему его не было ночью дома. Возможно, он тоже испытывал потребность в новых эмоциях. Возможно, тоже давно уже перешел черту супружеской верности. Кто знает. Сейчас, выдыхая ядовитый дым и вдыхая морозный воздух, я была бы рада, если бы Коля тоже мне изменял.

Я не позвонила ему, чтобы узнать, когда он будет. Я провела весь вечер, лежа на полу в гостиной с закрытыми глазами. Я развела камин, открыла бутылку вина и позволила своим мыслям унести меня далеко-далеко. Я представляла себя и Владимира – нас вместе, представляла наши разговоры и смех, представляла, как расстегиваю пуговицы его рубашки, как целую его родинку на щеке...

– Устал, как собака, – сказал Николай, найдя меня спящей в нашей постели на следующее утро. – Эти придурки только и могут, что читать желтую прессу и кроссворды разгадывать.

Черт-те что, а не охрана. Хорошо еще, что мы не охраняем президента. А то остались бы без президента, это точно.

– Многие бы этому только обрадовались, – пробормотала я, потягиваясь и зевая. Николай наклонился и чмокнул меня в нос. Принюхался и хихикнул.

– Пьянчужка, ты что, опять пила одна?

– Нет, что ты. Как ты мог подумать, – улыбнулась я и отметила, что чувствую себя невероятно отдохнувшей после вчерашнего.

– Как я мог подумать? Дай мне минутку. Что-то мне подсказало. Сердце? Или пустая бутылка с бокалом на полу. Жгла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.